

ПРОВОДНИК В АД

18+

ВИНОГРАДОВ МАКСИМ

Проводник в Ад

Максим Виноградов

Проводник в ад

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Виноградов М. В.

Проводник в ад / М. В. Виноградов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Проводник в Ад)

Гнев, ярость, досада и разочарование. Эти чувства обрушиваются на Нергала, когда он осознает, что миссия далека от завершения. Еще много людей — больших и малых, влиятельных и ничтожных, благородных и убогих — должно умереть, чтобы можно было вздохнуть с облегчением. Потому что дело, выполненное наполовину, остается несделанным! Продолжение крутого криминального боевика в мире фэнтези и стимпанка.

© Виноградов М. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	27
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	37
ГЛАВА 9	43
ГЛАВА 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

ГЛАВА 1

Стальная дверь громко хрустнула, встав на место, лифт натужно загудел, поехав вниз. Кабина поражала размерами: две фигуры казались в ней маленькими букашками. Шириной с десятков метров, высотой под пять, лифт с легкостью вместил бы в себя целый танк. А возможно, именно для этого его иногда и использовали.

Ханс посмотрел на спутника, прислушиваясь к пронзительным звукам работающих движителей. Вольф стоял ровно, невозмутимо поглядывая на панель управления. Там располагались всего три кнопки: поверхность, технический этаж и тюрьма. Друзей интересовал именно последний пункт.

Оборотень расстегнул плащ, запахнутый по холодному времени. На улице царила настоящая зима, начало декабря выдалось морозным, снежным. Ханс стянул шарф, стряхивая остатки ледяной пурги.

Лифт ехал долго, прошло уже несколько минут неспешного спуска. Оставалось только догадываться, на какой высоте под землей находится конечный этаж. Напарники ехали молча, все важное обсудили заранее, хотя молодого дознавателя до сих пор тревожил вопрос: а знает ли он, чего, собственно, сам хочет от этого визита?

Вызволить заключенного? Пожалуй. Тем более, на это имелся документальный приказ самого канцлера Рино. Но просто выпустить – это еще пол дела. Нужно обставить все так, чтобы спасенный понимал, *кому* обязан освобождением. Только в таком случае выход Рихтера из тюрьмы имел смысл.

Да, Нергал Рихтер, прирожденный талантливый убийца, не имеющий в этом ремесле равных. Настолько же хорош, насколько и независим. Управлять им напрямую невозможно, ровно как и заставлять. Тут нужно действовать тоньше, исподволь. Сыграть в тонкую непростую игру, провести глубокую вдумчивую комбинацию... Только тогда ассасин превращается из неудержимой стихии в надежное оружие.

Отыскать Нергала оказалось не просто, «друзья» упрятали на славу. Тюрьма Шпандау – одно из самых секретных и малодоступных мест во всей Пруссии. По меткому выражению канцлера, туда попадают те, кто «больше не нужен на этом свете». За более чем двухсотлетнюю историю из мрачных казематов учреждения на волю не вышел ни один заключенный. Единожды попавший туда, считался как бы умершим, хоть и мог еще долго влачить жалкое существование в подземных застенках.

«Интересно, знал ли небезызвестный Людвиг ван Персиус, как будет использован его великий архитектурный дар?» – размышлял Краузе, дожидаясь прибытия в пункт назначения.

Шпандау располагалась в северной части Республики, почти на побережье Балтийского моря. На поверхности комплекс охранялся с помощью целой военной базы, приспособленной под пограничные нужды. Высокий многоугольник стен скрывал за собой мрачные коробки казарм, учебок и штабов, соединенных длинными проходами. Широкий заснеженный плац с марширующими новобранцами, посадочная вышка дирижабля, технический ангар с техникой и каменный памятник бывшему узурпатору Вейсману – все необходимые компоненты военной присутствовали на своих местах.

Возможно, не многие из служащих догадывались, что в неказистом, хорошо охраняемом здании на задворках базы, расположен спуск глубоко под землю, в тюрьму, из которой невозможно сбежать.

Ханс поежился: вся эта военщина, канцелярщина и прочая бездумная бюрократия нагоняли тоску. Нигде не чувствуешь себя таким беспомощным винтиком системы, как среди серых однообразных казарм, возле толп безликих, одинаково одетых и подстриженных солдат, бессмысленно и безысходно разгребавших с плаца падающий стеной снег.

Кабина дернулась, остановившись, раздумья дознавателя оборвались на не самой приятной ноте. Дверь заскрежетала, отползая в сторону. Взгляду предстала широкая комната без всякого намека на мебель. Двое бойцов несли караул возле лифта. Тот, что ближе, едва заметно кивнул, указывая на одну из многочисленных дверей в противоположной стене.

– Кабинет начальника? – уточнил Краузе, проходя к двери.

В ответ постовой лишь заученно мотнул головой, словно заправский робот.

– А говорить вам что, запрещено? – пробурчал Вольф.

Голова качнулась отрицательно, на лице солдата не появилось и тени улыбки.

Друзья протиснулись в указанный проход, оказавшись в тускло освещенном коридоре. Прямая каменная кишка с несколькими побочными ответвлениями привела путников к монументальной двери, стальная табличка сообщила: «Вильгельм Баурлайтер».

Вольф поднатужился, рванув ручку на себя, дверь со скрипом ушла в сторону. Ханс шагнул в просторный светлый кабинет, нацепив на лицо дежурную улыбку.

Обстановка комнаты, хоть и вполне официальная, все же выдавала высокое начальство. Широкий стол занимал один угол, напротив располагался ряд из десятка стульев. Несколько шкафов обрамляли периметр, причем их содержимое менялось в зависимости от удаленности: ближе к хозяину располагалось хранилище напитков и посуды, потом шли полки, уставленные документами, а возле выхода расположились вешалки для одежды. Никакой роскоши, лишь одна большая картина напротив двери, изображавшая неизвестную Хансу женщину в довольно раскрепощенной позе. Тем не менее, здесь оказалось вполне уютно и светло, несмотря на одному Единому известную глубину под поверхностью.

Навстречу гостям из-за стола поднялся сам Вильгельм Баурлайтер – высокий, статный, седовласый вояка. Краузе заблаговременно ознакомился с личным делом начальника тюрьмы, внешний вид лишь подтверждал данную в бумагах характеристику: своевольный, не терпит противоречий, наслаждается властью и безнаказанностью. По слухам, любит издеваться над заключенными. На своей территории ни во что не ставит ни законы, ни мораль.

– Добрый день, господа, – слегка надменно приветствовал вошедших хозяин кабинета, – Чем обязан визиту?

– Спецгвардия, – Ханс протянул удостоверение, – Мы хотели бы повидаться с неким Нергалом Рихтером.

– О-о-о! – лицо Вильгельма искривилось в мечтательной усмешке, – Как же, знаменитый Нергал! Сейчас устрою, присаживайтесь.

Он указал гостям на стулья, а сам поднял телефон, отдавав в трубку несколько быстрых отрывочных указаний. Пока посетителя усаживались, Баурлайтер соорудил напитки, услужливо поставив бокалы на стол.

– Знаете, этот Рихтер – крепкий орешек! Замечательный экземпляр, – с интонацией ценителя продолжил начальник, – Обычно заключенные быстро ломаются, вынужденно прибывая к одной из тюремных банд. Бывает, становятся стукачами. Но этот... Сколько он тут? Чуть больше двух месяцев? А уже успел укокошить четверых, что излишне настойчиво предлагали сотрудничество. Его и ненавидят, и боятся. И ведь какой упрямый, непреклонный, вы только подумайте! Ничего-то его не берет...

Рассказчик запнулся, но Ханс легко додумал фразу до конца. Речь явно шла о пытках, более-менее изощренных. Что ж, тем хуже для начальника.

Дверь распахнулась, в кабинет ввалились два громадных зеленокожих орка, удерживая могучими ладонями человеческую фигуру, скованную кандалами по рукам и ногам. Охранники с легкостью проволокли ношу в центр комнаты, установив заключенного перед ликом начальства. Сами встали по бокам, демонстративно поигрывая огромными бицепсами.

Ханс взглянул на скованного человека.

Босой, в широкой робе без рукавов, ноги стянуты в щиколотках, руки сцеплены за спиной. Лысая голова с полосками татуировок опущена вниз, на лице – кожаный намордник. Не видно ни следов истощения, ни явных побоев. На ключице синеют верхушки пентаграмм, окончание татуировки скрыто под одеждой. Взгляд серых глаз стреляет холодом и безразличием, словно убийце полностью наплевать на происходящее.

Несмотря на кандалы, от сгорбленной фигуры явно повеяло неприкрытой угрозой и опасностью. Краузе поежился, вновь ощутив дыхание близкой смерти. Будто холодок пробежал по позвоночнику. Неужели охранники ничего не ощущают? Может, привыкли. Орки, что с них взять.

Поднявшись с места, Ханс медленно подошел к пленнику. За спиной скрипнул стул, Вольф встал, наблюдая за Боссом. Орки смотрели насмешливо и слегка заинтересовано. Краузе протянул руку, отщелкивая застежку намордника. Лишь оборотень успел заметить мелькнувшую между пальцев таблетку стимулятора, да и то лишь потому, что знал, куда смотреть. Кожаная конструкция с трудом слезла с лысой головы, дознаватель небрежно сбросил ее на пол.

Нергал поднял лицо, серые глаза стрельнули желтым всполохом, на губах промелькнула хищная полуулыбка.

– Ты посмотри, какой взгляд! Какой оскал! – прокомментировал Баурлайтер, – Такому палец в рот не клади... Да и близко лучше не подносить. Оттяпает по локоть!

Краузе отступил, пятясь назад, как черепаха. Он откровенно рассматривал заключенного с головы до ног, будто обдумывая, как его лучше упаковать.

Рихтер наклонил голову в одну сторону, в другую, отчетливо хрустнули шейные позвонки. Зажегшийся взгляд продолжал неотрывно буравить начальника тюрьмы. Тот слегка напрягся, недовольно поморщившись. Тревога понемногу передалась и охранникам. Зеленокожие бугаи занервничали, недовольно косясь на заключенного.

– Итак, – проговорил Вильгельм, усаживаясь в глубокое кресло, – Рихтер перед вами. Что вы хотели у него узнать?

Краузе печально улыбнулся, покачав головой.

– Господин Баурлайтер, я уполномочен сообщить о том, что захват человека, известного как Нергал Рихтер, признан ошибкой. У меня имеется приказ о его освобождении... – на стол начальника легла бумага с многочисленными печатями.

– Что-о-о!? – взревел тюремщик, приподнимаясь.

– ...приказ, подписанный лично канцлером Рино, – закончил Ханс.

Некоторое время Вильгельм пыхтел, бешено вращая глазами. Орки заметно напряглись, устремив взгляды на начальство. Вольф застыл в обманчиво расслабленной позе, Ханс терпеливо ожидал продолжения. Нергал повел плечами, с наслаждением потягиваясь.

– Мне плевать на приказы Рино! – выпалил Баурлайтер, – Здесь начальник я, а не он!

– Вы забываетесь, уважаемый, – парировал Краузе, – У меня прямое указание канцлера...

– Канцлер в Берлине! – рявкнул тюремщик, – Вот и пусть командует там! Здесь я – канцлер!

Он обвел всех присутствующих яростным взглядом, остановив его на Рихтере.

– За двести лет никто – ни один заключенный! – не покинул Шпандау живым! – продолжал бушевать Вильгельм, – И я не намерен нарушать традиций!

Ханс разочарованно пожал плечами, мельком глянув на убийцу. Тот осклабился, на губах пленника заиграла нехорошая усмешка.

Вольф медленно шагнул вперед, здоровенный орк глухо зарычал, уставившись на оборотня.

– Не дергайся, волк! – прохрипел он, ткнув в сторону мужчины пудовым кулаком, – Видали мы таких! И вертели, сам знаешь на чем!

Его напарник согласно кивнул, демонстративно поглаживая рукоять гигантского плевика, торчащего у него из-за пояса. У первого охранника огнестрела не было, зато на перевязи небрежно болталась шоковая дубинка впечатляющих размеров.

– Ты ничего не перепутал, зеленорясый? – усмехнулся Вольф, – Вертелка-то еще не отросла!

Орк оскорбленно засопел, заметно набычившись.

– Иди сюда, и проверим, любимец собак!

– Мамку твою собаки любят!

Краузе наблюдал за перепалкой, внутренне усмехаясь. Он знал, что Вольф не любитель бесполезной болтовни, и тем интереснее было наблюдать, как напарник следует следующему пункту плана – старательно тянет время.

Оба орка заметно завелись, зеленые тела угрожающе придвинулись, оставив скованного подопечного далеко за спиной. Ханс незаметно отодвинулся, отходя, на всякий случай, с линии возможного конфликта.

– Ну хватит! – прогремел голос начальника тюрьмы, – Заткнулись оба!

В комнате воцарилась тишина. Приглушенно шелестел кондиционер, да потрескивали старые половицы под тяжеленными тушами охранников.

– Я сказал, вы услышали, – несколько спокойней заключил Баурлайтер, – Своим приказом можете... подтереться. И спорить тут не о чем. Вы не в Берлине, господа. Здесь законы несколько другие, так же, как и руководители. Возвращайтесь... пока можете ходить. Покуда я жив – Нергал Рихтер не покинет пределов Шпандау!

Краузе устало вздохнул, обернувшись к убийце. Брови дознавателя взлетели вверх, как бы спрашивая: «Ты это слышал?»

ГЛАВА 2

Глаза Нергала полыхнули настоящим пламенем, прожигая чуть ли не насквозь. Ханс ощутил приступ страха, пробежавшего дрожью по телу с головы до пят. Ощутимая волна жуткой опасности пронеслась по комнате, заставив вздрогнуть даже громадных орков. В носдохнуло чем-то горелым.

«Неужели он и правда испепеляет взором?» – успел удивиться Краузе.

Отчетливо звякает сталь, а время внезапно застывает. Все двигается замедленно, как под водой, и лишь убийца невероятно быстр и проворен. Дознатель видит, как стальные наручники, сковывающие запястья ассасина, падают на пол, оплавленные, как из печки. Нергал поводит спиной, расправляя руки. Левое предплечье заключенного сверкает ярко-красным пламенем.

«Наручи Одина! – понимает Ханс, – Неужто тюремщики не знают обычных магических татуировок?»

Впрочем, эта печать не такая уж и обычная. Чтобы ее занять, нужно заплатить поистине невероятную цену, а уж использовать... Страшно подумать, какая боль терзает руку, когда она раскаляется до температуры, плавящей сталь!

Орки только-только понимают, что происходит нечто из ряда вон. Оба охранника поворачиваются, но слишком медленно, не успевая даже заметить противника.

Рихтер уже рядом. Его ноги по-прежнему скованы, тем нелепее выглядит подскок, заменивший убийце шаг. Рука Нергала ныряет за пояс громиле, выхватывая пулевик. Дуло мгновенно оказывается у зеленого подбородка, громом звучит выстрел, содержимое головы незадачливого охранника растекается по потолку желто-зелеными ошметками.

Раскаленная ладонь врезается второму орку куда-то в пах. Запах горелого мяса усиливается многократно, безумный рев боли оглашает кабинет. Рука убийцы входит внутрь зеленого тела, кромсая органы. Миг – и он отскакивает прочь, зажав в ладони нечто дымящееся. Громкий орк дико воет, ухватившись за обгорелые причиндалы. Он больше не похож на жуткого воина, скорее на скулящую плаксу.

Ханс выхватывает пулевик, но дуло движется настолько медленно, что хочется выругаться от безысходности. Изуродованные тела охранников только начинают падать, оружие мечется между ними, но Рихтер уже давно в другом месте.

Схватив шоковую дубину с груди орка, Нергал прыгает вперед. Вольф, не ожидавший атаки, все же успевает выставить руку, чтобы блокировать удар. Не самая умная мысль – принимать стальную дубину на незащищенную кость, но оборотню все ни по чем. Оружие отскакивает от предплечья, но, не задерживаясь, хитрым пируэтом ныряет над рукой. Рихтер вытягивается, кончик дубинки мельком задевает челюсть Вольфа.

Разносится оглушительный треск разряда, из оружия вырывается яркая искра, оборотень отлетает прочь, отброшенный в стену мощным толчком.

Краузе поворачивается, ведя пулевик перед собой, но в прицеле опять лишь пустота. Тела орков продолжают падать, Вольф сползает по стене.

Нергал выпускает разрядившуюся дубину, и высоким прыжком бросается к столу.

Баурлайтер успевает только приподняться над креслом. В обезумевших глазах тюремщика блуждает безмерное удивление и зарождающийся ужас. Ладонь тянется к отделению стола, где лежит оружие, но все это слишком медленно, слишком поздно.

Рихтер приземляется рядом, руки обхватывают голову Вильгельма и с силой впечатывают в столешницу. Лицо начальника обагрется кровью, изо рта слышится жалобный скулеж. Ладони убийцы крепко держат морду тюремщика, щека дымится от соприкосновения с огненной кожей.

– Тебя заждались в аду! – шипит Нергал.

Резкое усилие, шея громко хрустит, переламываясь пополам, голова Баурлайтера безвольно падает ниц вместе с грузным телом. Рихтер резко разворачивается, оглядывая кабинет.

Пулевик, наконец, настигает убийцу, но тот мягко смещается вниз, вновь уходя с линии прицела. Краузе опускает руку, ассасин мелькает то справа, то слева, приближающееся тело качает безумный маятник, не давая никакой возможности выстрелить прицельно. Спустя секунду слышится щелчок, пальцы пронзает острая боль. Ханс с изумлением глядит на опустевшую ладонь, пулевик будто сам собой переходит во владение к Нергалу.

В следующий миг в горло дознавателя врезаются жесткие пальцы, намертво сдавив трахею. Дыхание выходит с жалостным хрипом, взгляд разом затуманивается, сознание болтается где-то в самом краю реальности, удерживаясь от обморока каким-то чудом.

Ханса ведут, он послушно шагает, не в силах не то что сопротивляться, но даже и пальцем пошевелить без соответствующей команды. Перед глазами – темная муть, в горле взрывается салют из боли и жжения, в ушах молотом стучит пульс, мышцы сводит непонятная судорога. Краузе не может даже стонать, он балансирует на грани жизни и смерти, полностью послушный движениям чужих пальцев. Самые неприятные в жизни ощущения посещают молодого дознавателя – он целиком и полностью во власти недруга, жуткий кукловод держит тонкую нить жизни опасно натянутой, готовый оборвать ее в любой подходящий момент.

Слышатся крики, хлопанье дверей, грохот выстрелов, но для Краузе все это лишь фон. Он шагает в полуобморочном состоянии, целиком сосредоточившись на том, чтобы не дать повода жестким пальцам в собственном горле сжаться чуть сильнее. В легких заканчивается кислород, ноги дрожат от непомерной тяжести ослабшего тела, мозг бьется в агонии, Ханс держится из последних сил.

Грохнула стальная дверь, дознаватель вновь ощутил себя в лифте, только теперь аппарат поднимался вверх. Захват на горле немного ослаб, Ханс сумел судорожно вздохнуть. Приоткрытые глаза уперлись в стену, убийца стоял сзади, обхватив шею жертвы рукой.

– Ну здравствуй, дознаватель Краузе, – мрачно прошептал Нергал.

Парень попытался было ответить, но стальные пальцы лишь сильнее сжали трахею, задушив слова на корню.

– Не пытайся говорить, приятель, просто моргай, если согласен, – участливо посоветовал ассасин.

Краузе немного отдышался и старательно моргнул.

– У меня есть к тебе несколько принципиальных вопросов, – продолжил Рихтер, – И от того, как ты ответишь, зависит очень многое... Фактически, твоя судьба.

Он пошевелил пальцами, Ханс застонал, то умирая, то вновь возвращаясь к жизни. Лифт равнодушно гудел моторами, чуть заметное покачивание напоминало о подъеме.

– Первый вопрос, – зловеще произнес убийца, – Ты устроил засаду в поезде?

Ханс застыл, изо всех сил стараясь не закрывать глаз. Недостаток такой системы общения на лицо: они не уговорились об отрицательном ответе. А как моргнуть «нет» Краузе не придумал.

– Хорошо... – с сомнением процедил Нергал, – Но ты явно знал о засаде?

Теперь Хансу пришлось волей-неволей согласиться. Он старательно мигнул, пытаясь проглотить скопившуюся во рту слюну.

– Знал... Значит ты знаешь и то, *кто* устроил засаду, так?

Глаза моргнули, убийца довольно крякнул.

– Ладно, спрошу, если понадобится.

Краузе ощутил, как его мучитель придвинулся вплотную, тяжелое дыхание ударило прямо в ухо.

– А знаешь, почему я оставил тебя в живых? – вкрадчиво поинтересовался Нергал, – Да потому что убить тебя легче простого, можно оформить в любой нужный момент. Так что живи пока.

Пальцы убийцы сомкнулись, Ханс дернулся, ощущая, как сознание улетает прочь. Он с огромным облегчением увидел быстро приближающийся пол и отрубился, погрузившись во тьму.

Ян Крюгер, по прозвищу Стрелок, терпеливо ждал у двери лифта. Он прибыл на базу вместе с Боссом и Клыком, но вниз, непосредственно в Шпандау его не взяли.

«Двоих будет достаточно, – заявил Краузе, – И в любом случае кому-то нужно дежурить у входа.»

Смысл дежурства Ян не уловил, но спорить не стал. В конце концов, он новичок в команде, не пришло еще время качать права. К тому же, как успел убедиться новоявленный агент спецгвардии, Босс ошибался крайне редко. Можно сказать – никогда.

Здесь же, рядом стоял пост из двух бойцов, отряженных на охрану лифта. Стрелок уже пытался разговаривать служивых, но те лишь неприветливо пялились, не отвечая на дружелюбные реплики. Все с ними понятно – служба, одно слово.

Жутко хотелось курить, но Ханс запретил.

«Лучше бухай! – наставлял Босс, – К алкоголизму ты не расположен, а выпивка поможет на некоторое время отбить тягу к тяжелым наркотикам.»

Стрелок почесал предплечье. Вены до сих пор покрыты синяками, заместительная терапия еле справляется с губительным пристрастием. Даже магия не работает, пасуя там, где в ход идут глубинные силы организма. Наверное, могла бы помочь алхимия, но Ян хорошо понимал, что невозможно одним махом и без следа снять все последствия пагубной привычки.

К тому же, мучения являлись своеобразным искуплением вины. Несколько лет подряд Стрелок работал на ныне покойного Кроу, бывшего начальника тайной полиции. Порой приходилось совершать жуткие вещи, и все ради очередной дозы «пыльцы», на которую Яна посадили прочно, надежно и, казалось, безвозвратно. А вот гляди ж ты...

Теперь Стрелок совсем в другой, можно сказать конкурирующей конторе. Успешно борется с наркоманией, изредка заливаясь водкой и подобной дрянью. А Кроу мертв. И убил его как раз тот персонаж, что тогда пощадил Яна.

«Хер с тобой, живи пока что!» – произнес тогда убийца, и это был один из самых страшных моментов в памяти Крюгера.

Потому что на лице ассасина он прочитал некое раздражение от того, что не удалось забрать еще одну жизнь. Воспоминания о той встрече до сих пор заставляют сердце биться учащенно, в душе невольно рождается такой простой и понятный страх. Страх того, что «пока что» закончится.

Тем страннее осознавать, что сюда, в величайшую тюрьму Республики, спецгвардия явилась ровно за тем, чтобы навестить того самого убийцу. Какая все-таки ироничная штука – жизнь...

Загудел лифт, поднимаясь кверху. Ян приосанился, поправляя пуговицы. Похоже, аудиенция в Шпандау окончена, можно сваливать из неблагоприятного места.

Кабина поднималась мучительно долго, не меньше пяти минут. За это время Стрелок успел и почесаться, и поковырять в зубах, и еще раз посмотреть на постовых.

Наконец, дверь лифта с глухим скрипом отошла в сторону. Челюсть Яна отвисла, пулевик сам собой взлетел в разом вспотевшую ладонь. Позади раздались удивленные возгласы бойцов. Потому что в кабине находилось только одно единственное бесчувственное тело. Упершись лицом в пол и широко раскинув руки, валялся никто иной, как Ханс Краузе.

– Твою дивизию! – ошарашенно пробормотал Ян.

Никто не успел сдвинуться с места, дверь лестничной площадки распахнулась и оттуда выскочил Вольф, как чертик из табакерки. Он был очень зол, волосы взъерошены, глаза сверкали яростью, на подбородке наливался свежий фингал, но дыхание даже не сбилось. Словно оборотень не преодолел только что несколько сотен метров бегом вверх по лестнице.

Одного быстрого взгляда хватило, чтобы оценить ситуацию, Вольф молниеносно оказался у лифта. Он склонился над телом, пальцы умело ткнулись в сонную артерию, проверяя пульс.

– Живой! – облегченно выдохнул оборотень.

Он поднял Ханса мощным движением, Ян засуетился, не зная, чем помочь. Вольф вынес бесчувственное тело из кабины, бережно опустил на пол, положив головой на свернутый плащ.

– Заблокируйте лифт! – рявкнул он с таким напором, что солдаты невольно засуетились, – Приведите Краузе в чувства! И объявляйте общую тревогу!

Не дожидаясь, пока приказание будут исполнены, оборотень метнулся к двери, призывно махнув рукой.

– Стрелок! Мы с тобой на технический этаж. Возьмем гада!

– Что, пешком? – возмутился Ян.

Не утруждая себя ответом, Вольф скрылся за дверью. Стрелок бросился следом за внушительной фигурой, с легкостью преодолевающей лестничный пролет за один прыжок.

Едва дверь закрылась за двумя агентами, как в лифте показался еще один силуэт. Он мягко спрыгнул с потолка, словно ступившись из серых теней, благо размеры кабины позволяли спрятать там хоть слона. Нергал бесшумно шагнул, выбравшись из лифта, цепкий взгляд obeжал помещение.

Двое солдат склонились над дознавателем, все еще не пришедшим в сознание. Оба вооружены, но пулевика в кобуре, их еще нужно достать и изготовить к стрельбе. В сторону подъемника горе-часовые даже не оглядывались, а зря.

Они так ничего и не поняли, настолько быстро произошли последующие события. Ни единый звук не выдал приближения противника, а потом стало уже поздно. Сильный удар обрушился на затылок первого бойца, надежно свалив его с ног. Второй поднял взгляд, успев заметить огонь желтых глаз и стремительные движения жилистого тела. Безжалостная рука сдавила горло, солдат пару раз дернулся и затих с характерным хрипом.

Теперь на полу рядом расположились три тела.

Рихтер неторопливо огляделся.

Первым делом в его распоряжение перешли пулевика, затем убийца принялся стягивать с наиболее рослого бойца обувь. Нацепив военные ботинки, Нергал прошелся, лицо недовольно сморщилось – слишком тесно большим пальцам. Но это в любом случае лучше, чем бегать зимой босиком.

Выглянув за дверь, ассасин убедился, что на улице лежит снег. Осадков выпало достаточно, сугробы поднялись едва не до пояса. Лишь очищенные дорожки между строениями чернели пятнами асфальта. Пахло морозным воздухом, темные тучи у горизонта предупреждали о приближении бури. Людей не видно, но судя по звукам, вокруг обычная дневная суета

военной базы, тревогу никто еще не объявил. Переговариваются солдаты, где-то покрикивает офицер, слышен звон тарелок и рокот проезжающего грузовика.

А вот это уже интересно. Рихтер понятия не имел, где находится, но, если здесь вояки, значит наверняка есть и мехмобильный ангар. Чтобы смотаться отсюда, потребуется нечто повышенной проходимости.

Вернувшись внутрь, Нергал снял с незадачливого бойца бушлат, шапку и теплый свитер. Немного коротковато, но лучше, чем ничего. В этой одежде его с легкостью можно принять за растрепанного солдафона. Задумчивый взгляд еще раз obeжал помещение, задержавшись на бесчувственном дознавателе.

Покачав головой, Рихтер вышел прочь. Дверь скрипнула, закрывшись не до конца, в комнату влетел зимний ветер, раскидав целый ворох снега. Одинокая снежинка опустилась на лицо Ханса, заставив человека вздрогнуть. Подождав секунду, льдинка сбегала по щеке тонкой каплей. Краузе медленно открыл глаза.

ГЛАВА 3

Военная база Шпандау гудела, как растревоженный улей. Ворота спешно открывались, по дорожкам бежали группы патрулей, возле штаба выстроилась целая рота бойцов. Как обычно в таких случаях, допустив промашку, начальство стремилось загладить вину, создав вид бурной деятельности, направленной на устранение последствий.

Ворота мехмобильного ангара лежали, раскуроченные взрывом, из проема валил густой темный дым. Множество бойцов металось рядом с огнетушителями в руках, слышался непрерывный галдеж, противоречивые указания, отборный военный мат. Никто толком не понимал, что происходит, а потому никто и не знал, как реагировать. Многочисленные уставы предусматривали только отражение внешних атак, но отнюдь не противодействие внутренним диверсиям.

Над домами завывала сирена, прожектора на стене стреляли пучками света. Часовые с пулевиками наперевес таранились вдаль, силясь разглядеть вероятного противника. Но никто не собирался атаковать базу, единственный возможный враг уже давно находился за пределами ограды, неумолимо удаляясь от места своего заключения.

По широкой заснеженной дороге, заботливо расчищенной грейдером, мчался грузовой мехмобиль военного исполнения. Натужно ревел двигатель, силясь разогнать махину еще больше; слаженно вращались шесть пар высоченных колес, похрустывая ледяной коркой; трехосный прицеп болтался сзади, как влитой. Водитель то и дело поглядывал в огромное боковое зеркало, с минуты на минуту ожидая появления погони.

Нергал вцепился в руль, стараясь удержать машину от заноса. Грузовик шел ровно, лишь изредка порываясь куда-то в сторону на не вовремя попавшемся льду. Кабина перемигивалась десятком лампочек, индикаторы мигали зеленым, что не могло не радовать. Впрочем, назначение большинства из них для Рихтера оставалось загадкой. Такой же, как и необходимость двенадцати-ступенчатой механической коробки передач, с которой убийца совладал с большим трудом. Это тебе не на автомате гашетку давить, тут еще и думать надо!

Нергалу не повезло, прицеп явно попался груженный, машина шла тяжело, несмотря на все усилия водителя. В ангаре особо выбирать времени не было, пришлось действовать быстро, рискованно, импровизировать наобум. Потому и запрыгнул в уже заведенный аппарат, успев только устроить небольшой пожар, да оставить наспех сооруженную осколочную мину. Только потом сообразил, что раз мехмобиль снаряжен в путь, то наверняка и загружен под завязку.

Несколько темных точек мелькнули в зеркале, Нергал сдержанно усмехнулся. Наконец-то! А то он уж было решил, что удастся просто скрыться, без преследования и погони. Они явно не отличаются излишней расторопностью и рвением.

Впрочем, военные, что с них взять. Рядовые запуганные и немотивированные, и шагу не ступят без команды. Инициатива, как известно, наказуема. Офицеры, как обычно, боятся взять ответственность на себя, каждый стремится переложить отдачу приказа на вышестоящее начальство, обосновывая тем, что мне, мол, не по рангу. Итого, пока, наконец, информация дойдет до управляющей верхушки; пока найдется чин, способный, а главное – не боящийся отдать нужное указание; пока приказ спустится обратно по управляющей вертикали... Надо отдать должное, в этот раз сработали даже на удивление оперативно.

Рихтер вглядывался в зеркало, стараясь сосчитать преследователей. Как минимум несколько грузовиков и четыре военных джипа. Нагоняют довольно шустро, не обойтись без

маленькой заварушки. А позади колонны мехмобилей мелькнула серым бортом внушительная туша броневика.

Краузе медленно открыл глаза, сознание возвращалась в голову постепенно, неспешно. Пару минут дознаватель пролежал, разглядывая незнакомое помещение. Память упрямо отказывалась сообщить, кто он, где находится, и что, собственно, тут делает.

Внезапная вспышка узнавания пронзила мозг. Рихтер! Сбежал! Ханс собирался вскочить, но получилось лишь вяло приподняться на ослабших руках. Тело слушалось с трудом, по нему словно катком проехали. Больше всего болело горло, Краузе до сих пор ощущал где-то в шее следы безжалостных чужих пальцев.

Покрутил головой – рядом ворочались в отключке двое вояк, один босой и без верхней одежды. Живые, и на том спасибо. Сотрясения, гипоксия – не в счет, выкарабкаются.

Ханс хлопнул себя по кобуре – пустая, так же, как и у часовых. Черт! Чертов Нергал! Кто же мог предположить, что он *настолько* прыткий!? Хотя... человек убил самых охраняемых людей Пруссии, включая бессменного канцлера Вейсмана, так чего же еще от него ожидать?

«Где он? – встрепнулся дознаватель, – Где Рихтер?!»

С глухим стоном Краузе поднялся. Медленно переставляя ноги, вывалился за дверь, с удивлением созерцая царящий на базе бедлам.

Он простоял с минуту, отдыхая. Собственное тело понемногу становилось более-менее послушным, дрожь в конечностях прошла, из головы улетучивалось неприятное помрачение. И на его место приходил зарождающийся страх.

«Что же мы наделали? – с ужасом подумал Краузе, – Что натворили?»

Сзади хлопнула дверь, на улицу вывалился разъяренный Вольф, следом – взмыленный запыхавшийся Стрелок с пулевиками в руках. Оба выглядели крайне обескураженными, Ян со злостью выругался.

– Он нас надул, – констатировал Вольф, – Обвел вокруг пальца, как младенцев!

Только теперь до Ханса окончательно дошло, какую дичь они сотворили. Дознаватель тяжело застонал, схватившись руками за голову.

– Да ладно, Босс, не все так плохо, – постарался успокоить Стрелок, – Ты же все равно хотел его освободить? Можно сказать, все идет по плану.

– По плану?! – взъярился Краузе, – Убийца десять минут продержал меня на грани между жизнью и смертью, вот так... – Ханс продемонстрировал движения пальцев у многострадального горла, – ... думаешь, это тоже входило в план?!

Ян недоуменно и чуть смущенно пожал плечами.

– Кто знает... Порой тебя очень сложно понять.

Ханс смерил парня уничижительным взглядом, но ответил уже почти спокойно.

– У меня было три основных плана и два запасных, но ни в одном из них Нергал Рихтер не уезжает прочь, оставив нас ни с чем.

Встрепенувшись, Краузе уверенно двинулся по направлению к штабу, подопечные без труда поспевали за Боссом. Вольф сурово хмурился, судорожно сжимая кулаки, Ян все же убрал оружие в кобур.

Вокруг сновали военные, туда и обратно проносились машины и отряды бойцов. Гудела сирена, выкрикивались команды, откуда-то из-за домов валил густой дым. В воздухе витало напряжение и, если не паника, то по крайней мере явная неприкрытая тревога.

Ханс влетел в здание штаба, мигом оказавшись у стеклянной проходной. Здесь столпотворение лишь усилилось, люди суетились, стремясь одновременно в разные стороны. Растолкав случайных встречных, дознаватель подскочил к дежурному.

– Кто тут главный?! – рявкнул Краузе, – Кто управляет этим бардаком?

Военный потянулся было к оружию, но рядом тут же оказался Вольф, только и ждавший, кого бы скрутить в бараний рог. Солдат беспомощно пискнул, когда его шея оказалась сжата тисками стальных пальцев. Стрелок застыл рядом с пулевыми наготове, Ханс бессвязно ругнулся.

– Спецгвардия! – он помахал перед лицом постового удостоверением, – Хватит уже играть в секретность! У нас срочное дело к командиру части!

– Генерал Хартман... – прохрипел дежурный, – ... прямо по коридору и направо...

Последние слова он произнес уже вслед удаляющейся троице.

Для проформы постучав по двери, Ханс тут же ее распахнул, входя в кабинет к высокому начальству, Вольф и Ян не отставали ни на шаг. Из-за широкого слота на посетителей глянул мужчина средних лет, в сером кителе и с легкой сединой на висках. Он не успел ничего сказать, потому что зазвонил один из многочисленных телефонов, коими была уставлена половина внушительной столешницы. Генерал схватил трубку, раздраженно вслушиваясь в хриплый голос, доносящийся из динамика. Входная дверь закрылась, отрезая лишние звуки.

– Да! Нет! Сейчас не время! – рявкнул Хартман, – Перезвони завтра! А лучше – никогда!

Он со звоном опустил трубку на место, но тут же раздался новый звонок. Рука метнулась по столу, выискивая нужный аппарат, генерал вновь припал к телефону.

– Так точно! Возьмите вторую роту! Оцепить ангар! – он отдавал отрывистые команды, не дожидаясь подтверждения, – Под личную ответственность! И потушите, наконец, чертов пожар!

Трубка лязгнула, вернувшись на рычаг, военный грозно глянул на вошедших.

– Спецгвардия, старший дознаватель Краузе, – доложил Ханс, протягивая удостоверение.

Генерал хмуро кивнул, даже не глянув на корочки. Звякнул очередной телефон, Хартман привычным движением поднял трубку, тут же бросив ее на место.

– Что вам угодно? – сурово поинтересовался он.

– Отзовите людей, генерал, – вкрадчиво произнес Краузе, – Отзовите погоню! Во избежание ненужных жертв...

– Ты с ума сошел, сынок? – изумился офицер.

Он был старше Ханса едва ли вдвое, но обращение «сынок» от brutального вояки прозвучало на удивление органично.

– Вы не представляете, с кем имеете дело!

– Да кем бы он ни был! – покачал головой Хартман, – Ты думаешь, можно просто так вломиться на мою базу, устроить диверсию, угнать грузовик с особо опасным грузом и запросто скрыться? Уверяю, его возьмут! И скорее всего – мертвым...

Ближайший телефон задребезжал залиистой трелью, генерал схватился за трубку, разом позабыв про гостей.

– У аппарата! Да! Нет, не сообщай никому... Я сам! Добро! Поднимайте дирижабль!

Ханс беспомощно оглянулся, понимая, что здесь ничего больше не добьется. Будь в распоряжении больше времени, можно было бы разговорить генерала, убедить, подружиться в конце концов. Но не сейчас. В экстремальной ситуации военный настроен действовать по своим шаблонам, не прислушиваясь к мнению посторонних гражданских.

Вольф открыл дверь, выпуская соратников из кабинета, Краузе на секунду замер, обдумывая дальнейшие шаги.

– К мехмобиле, быстро! – скомандовал Босс, – Может еще успеем... помочь умирающим.

Они вихрем пронеслись по коридору, не замечая проходную и остолбеневших часовых. На улице вперед вырвался Вольф, он лучше сориентировался в череде однообразных прямо-

угольных строений. Скорой трусцой тройка проследовала по заснеженной дороге, сворачивая то в одну сторону, то в другую.

Мехмобиль, на котором агенты приехали на базу, стоял на специальной отдельной площадке, неподалеку от главного контрольно-пропускного пункта. Вольф прыгнул за руль, Ян устроился рядом, Краузе упал на заднее сиденье. Мотор взревел, машина резво тронулась с места.

У КП их тормознули, все выходы с базы оказались перекрыты, постовые долго отказывались даже глянуть на удостоверения, ссылаясь на строжайший запрет. Понадобился звонок все тому же Хартману, чтобы перед неказистым мехмобилем все же распахнулись створки ворот.

Вольф вдавил педаль газа, машина вырвалась на снежную дорогу, устремившись вслед далекой погоне.

ГЛАВА 4

Грузовик мчался, завывая мотором. Он вышел на крейсерскую скорость и никак не желал разгоняться быстрее. Возможно, дело в каком-то блокираторе, Нергал не настолько хорошо разбирался в военной технике. Мужчина вдавил педаль газа, не обращая внимания на взбесившийся тахометр. Как минимум одну поездку выдержит, а большего от него и не требуется. Ладони намертво вцепились в руль, глаза неотрывно смотрели на дорогу.

Впереди, от горизонта, надвигался темный грозовой фронт. Черные тучи заволокли полнеба, усиливающийся ветер бил в лобовую, поднимая с дороги снежную крошку. Где-то далеко возвышалась мрачная стена приближающегося бурана. Судя по всему, грядет снежная буря, и не слабая.

Погоня висела на хвосте или наступала на пятки, если только у военного грузовика могут быть пятки и хвост. Серо-зеленые внедорожники несколько вырвались вперед, практически нагнав неповоротливый мехмобиль Рихтера. В зеркалах мелькали напряженные лица водителей, готовые к стрельбе бойцы целились из пулевиков.

«Начинается!» – усмехнулся Нергал, втянув голову в плечи.

Широкий внедорожник заходит слева, через пару секунд поравнявшись с водительской кабиной. Шофер смотрит на дорогу, а вот стрелок что-то вопит через опущенное стекло, усиленно жестикулирует, призывая остановиться. Рихтер не обращает на помеху никакого внимания, голова даже не дернулась в сторону.

Солдат достает оружие, внушительного размера пулевик поднимается на уровень глаз, прицел ищет водителя угнанной фуры. Нажать на спуск боец так и не успевает.

Нергал резко поворачивается, оставив руль без присмотра. Гневный, горящий желтизной взгляд прожигает незадачливого стрелка, вызывая невольную оторопь. Иррациональный, непонятно откуда взявшийся страх – последняя эмоция, испытанная воякой.

Рихтер вскидывает пулевик, в тесноте кабины выстрел бухает особенно громко, почти оглушая. Стекло рассыпается на мелкие осколки, пуля мгновенно преодолевает ничтожное расстояние до внедорожника. Оружие солдата разлетается обломками, он сам откидывается назад со сквозным ранением в груди. Второй выстрел звучит несколько тише, но результат не менее смертоносен. Водитель джипа бьется головой о боковое стекло, а потом падает лицом на клаксон. Возле виска расплывается кровавая рана не совместимая с жизнью.

Секунду внедорожник продолжает движение, потом колеса резко забирают влево, мехмобиль идет юзом и с громким хлопком переворачивается, взлетая в воздух стальным волчком.

Нергал возвращается за руль, краем глаза провожая в зеркале зрелище летящей кувырок машины. Грузовик трясется, съедая колесами неровности ледяной трассы, дрожь невольно передается через руль в ладони. Рваный ритм входит в диссонанс с учатившимся пульсом, рождая в голове бешеный бит, будто бы сопровождающий безумную погоню. Убийца радостно смеется, впервые за два месяца наслаждаясь небывалой свободой.

Громкий сигнал раздается справа, второй внедорожник мчится параллельным курсом. Шофер настойчиво жмет клаксон, будто надеясь запугать беглеца. Рихтер хохочет, с наслаждением вдавливая кнопку гудка. Из чрева грузовика раздается жуткий рев, подходящий скорее стаду разъяренных носорогов, впавших в ритуальное бешенство.

С пассажирского сиденья высовывается солдат, направляя оружие на грузовик. Он стреляет по колесам, Нергал даже не пытается понять – попал или нет. Шины военного тягача

настолько огромны, что нескоро заметят отверстие от пули, тем более, что три оси добавляют машине максимум устойчивости.

Нергал резко дергает руль вправо, громадный тягач на полной скорости бодает внедорожник, стрелок, не удержавшись, падает на дорогу. Некоторое время видна чехарда мельтешащих конечностей, потом на снегу остается безжизненное тело.

Внедорожник выравнивается, грузовик отклоняется влево, но лишь для того, чтобы ударить с новой силой. Рихтер впечатывает высокий борт в преследователя, водитель судорожно пытается вывернуть, но все-таки влетает в снежную стену на полном ходу. Мехмобиль взмывает в воздух, плавно переворачиваясь, его сопровождает целая туча снежной пыли. С натужным грохотом машина рушится на крышу и скользит по заледенелой корке наподобие санок. Нергал выворачивает на середину, не сбавляя хода, раскуроченный преследователь остается далеко позади.

Со стороны преследователей, как по команде, раздается дружный залп. Пули свистят по кабине грузовика, лобовое стекло покрывается сеткой шрамов, но чудом выдерживает; зеркала заднего вида разлетаются вдребезги; из приборной панели сыплются искры, несколько шальных снарядов пробивают пассажирское сиденье. Нергал склоняется к рулю, стараясь стать незаметней. Впрочем, он знает, что судьбу не обманешь, как не прячься.

Внешние повреждения оценить сложнее. Убийца бросает взгляд на панель индикаторов – что-то моргает красным, некоторые стрелки поползли вниз. Но грузовик упрямо катит вперед, не сбавляя темпа, остальное водителя не волнует. Он упрямо давит на гашетку, вперив бешеный взгляд в приближающуюся бурю.

Слева обходит грузовик, Нергал пытается сбить его с дороги, но это не жалкий внедорожник, такую махину запросто не спихнуть. Тягач легко обходит беглеца, а его место занимает второй преследователь. Рихтер собирается боднуть, но справа поджигает другая фура. Три грузовика берут Рихтера в коробочку, зажимая спереди и с двух сторон.

Сзади на грузовик обрушивается удар, мощный толчок бьет Нергала о рулевое колесо, едва не выбросив из кабины. Броневику чуть отстает, а потом опять набирает скорость для следующего удара. Передний грузовик притормаживает, не давая Рихтеру разогнаться, два других блокируют маневры сбоку.

Нергал дергает рулем, пытаясь растолкать преследователей. По корпусу грузовика проходит дрожь, он колотится о противника то правым, то левым боком, но враги и не помышляют сдаваться. Они лишь сходятся еще теснее, чуть ли не сдавливая беглеца между собой.

Броневику таранит сзади, Нергал трепыхается на сиденье, как мотылек на ветру. Противник спереди еще сбавляет ход, стараясь остановить врага. Ассасин сжимает зубы и, издав рык смертельно раненного льва, вжимает педаль газа в пол.

Фуры врезаются, как два стальных буйвола. Рихтер давит на газ, водитель переднего – на тормоз, машины борются, побеждает пока скорость, инерция и скользкая дорога. Двое по бокам поджигают, стараясь помочь своему товарищу.

Нергал хватает по пулевику в руку, расставив их в стороны. Раздаются синхронные выстрелы, кабину заполняет едкий пороховой дым, вниз сыплется стеклянная крошка. Убийца стреляет, не целясь. Сейчас поразить цель не главное, важнее отвлечь внимание бойцов в соседних кабинах. Пускай сосредоточатся на выживании и осторожности, а не на атаке.

Несмотря на беглый огонь, Рихтер краем глаза замечает попадания. Солдат в кабине слева держится за окровавленную шею, водитель справа резко сбавляет ход, уходя из-под обстрела.

Мотор ревет в последний раз, грузовик упирается капотом в задницу передней фуры, убийца резко убирает ногу с педали, задирая ее вверх. Один хороший удар толстой подошвой, покореженное лобовое стекло улетает прочь. В кабину врывается ледяной ветер вкупе со снежной крошкой.

Быстро сложившись пополам, Нергал протискивается через освободившееся окно, через секунду оказываясь на широком капоте. Ветер сдувает прочь, но убийца держится, как влитой. Резко сгруппировавшись, ноги отталкиваются от стали, темная фигура взмывает вверх, в мгновение ока перелетая на крышу впередиидущего прицепа.

Дьявольские порывы сбивают с ног, Нергал несется по трясущейся крыше. Прежде, чем кто-то успевает хоть что-то сообразить, убийца перепрыгивает на кабину, еще через миг он падает на капот фуры. На неожиданного гостя смотрят две пары оторопевших глаз, Рихтер не задумываясь жмет на спуск. Два выстрела, лобовое стекло разлетается в пыль, на сиденья падают безжизненные тела. Нергал ловко забирается внутрь, щелкает дверь, выпуская мертвеца из-за руля. Пинок ногой – второй труп вылетает прочь с другой стороны прямо под колеса преследователей. Мужчина давит на газ, грузовик послушно ускоряется, оставляя погоню позади.

Оставшийся без водителя тягач наконец не выдерживает. Рулевое колесо разворачивается, стальная махина смещается в бок, увлекая за собой двух соседей. Неуправляемый монстр скользит юзом, зацепляясь за грузовики преследователей, громадная инерция толкает вперед, колеса не выдерживают, мехмобиль натужно стонет и заваливается на бок, выбивая из дороги целую гору снега. Грузовик слева сдается неудержимому напору, он тоже плавно переворачивается, продолжая скользить бортом вниз. Второй, чтобы избежать похожей участи, вынужден вывернуть далеко вправо, врезаясь в сугроб. Снежный столб взмывает к небу, фура, протаранив белую гору, бешено гудит и останавливается.

Рихтер смотрит в зеркало: завал из грузовиков на минуту перекрывает преследователям дорогу. Впрочем, броневик с легкостью спихивает стальную преграду в сторону, безжизненный тягач остается у обочины, погоня устремляется за оторвавшимся беглецом.

Расчищенная дорога впереди заканчивается, плавно превращаясь в снежное поле без границ и края. Грузовик влетает в белоснежную целину, раскидывая по бокам целые реки ледяной крошки. Два внедорожника обходят по широкой дуге, сзади настойчиво приближается бронированная громада.

Слышится грохот выстрелов, пули свистят где-то совсем рядом, рикошета по стальному корпусу. Фура невольно сбавляет ход, потихоньку сдаваясь навалившейся снежной массе. Нергал зло смотрит по сторонам: преследователи ведут обстрел с безопасного для себя расстояния.

Мощный удар, скрежет стали, броневик впечатывается сзади, едва не перевернув прицеп. Рихтер с трудом удерживает машину на прямой траектории. Грузовик виляет, выравниваясь, пули выбивают искры из поверхности капота, бронированный враг разгоняется, чтобы нанести заключительный удар.

В этот момент на погоню обрушивается буря.

Машины влетают в темную стену, разом теряя друг друга из вида. Сумасшедший ураган, увлекающий в воздух тонны снежной крошки, скрывает под своим пологом абсолютно все. Даже огни фар просвечивают лишь в нескольких метрах, бесследно растворяясь в мельтешащей черно-белой чехарде. Ветер завывает взбесившимся демоном, дикие порывы грозятся перевернуть многотонные мехмобили, со всех сторон лишь непроглядная тьма и яростный снежный вихрь.

Нергал сжимается в комок, старательно прикрывая глаза рукой. По кабине беспрепятственно гуляет ветер, ураган выдувает остатки тепла, стремится поглотить, сожрать, заполучить в плен как можно больше жертв. Смотреть вперед нет никакого смысла – не видно ни дороги, ни препятствий, ни преследователей. Горящие желтым огнем глаза прожигают серую пелену, но там лишь безумный буран, снег и тьма.

Вой ветра почти оглушает, снежная пыль забивается в глаза и рот, под одеждой уже давно целые сугробы. Намертво вцепившись в руль, Рихтер поворачивает, направляя стальную громадину наперерез буре. Грузовик стонет, движок гудит, силясь перекричать ураган, по корпусу идет частая дрожь. Колеса то и дело вгрызаются в снег, фура подскакивает на невидимых колдобинах, водителя кидает по кабине, как куклу.

Внезапно из темноты просвечивают два синих глаза, навстречу вылетает вихляющий внедорожник. Он видит тягач, пытается увернуться, но слишком поздно. Нергал выжимает всю возможную скорость, высокий стальной бампер неумолимо бьет лоб в лоб, громадина грузовика играючи переворачивает легковую машину, подкидывая ее высоко в воздух.

Внедорожник подлетает и, сделав двойное сальто, взрывается. Это странно – в мехмобиле нет взрывоопасных деталей – но на этот раз пассажирам не повезло. Возможно, детонировал боекомплект, не выдержала защитная скоба фугаса.

Красочная вспышка расцветает в воздухе, осколки барабанят по корпусу грузовика, грохот на секунду перекрывает даже ураганный рев смерча. Тягач несется в снежную тьму, понемногу сбавляя ход.

Броневик разрывает бурю, незыблемой скалой протискиваясь между бешеными порывами ветра. Он мчится на полном ходу, хоть в узкое смотровое окно невозможно ничего рассмотреть: ни беглеца, ни направления. Азарт погони охватывает не только шофера, трое бойцов плятятся сквозь боковые стекла, силясь увидеть хоть какой-то признак уходящего грузовика.

И знак появляется.

Далеко по правому борту, высоко над землей расцветает яркая вспышка, хорошо видимая даже сквозь ураганную тьму. Звука не слышно за воем ветра, но визуального ориентира достаточно.

– Туда! – вопит наблюдатель справа, указывая на потухающий взрыв, – Давай быстрее!

Водитель дергает рычагами, резко выворачивая тяжеленную машину. Движок надсадно гудит, силясь еще больше разогнать и без того несущейся на максимальной скорости броневик. Команда прилипает к окнам, высматривая беглеца.

Навстречу несется снег, тьма и ветер. Но внезапно в темной пелене проглядывает просвет, громадина бури будто бы уходит стороной. Лучи низкого зимнего солнца прорезают темноту, озаряя белые просторы и мрачную громадину грузовика впереди.

Броневик на полном ходу проносится мимо. Тягач застыл, уткнувшись в снежное болото, колеса почти целиком увязли в гигантском сугробе. Двери кабины распахнуты, внутри никого, только залежи снега да ледяной ветер. А вот впереди видна бегущая по белому насту фигура.

– Дави его! – кровожадно орут под ухо, – Сшибай!

Шофер вплотную пригибается к стеклу, ладони уверенно ворочают рычагами, губы кричатся злой ухмылкой. Броневик выравнивается, легко нагоняя пешего беглеца. Беззащитная спина преступника стремительно приближается.

Остаются считанные метры, кажется, убийце уже никуда не деться.

Внезапно обернувшись, Нергал прыгает. Четыре пары глаз провожают темный силуэт, молниеносно взвившийся над поверхностью. Стальная туша броневика проносится под летящим человеком, ступня ботинка задевает крышку люка, отталкиваясь повыше.

Шофер бьет по тормозам, но поздно. Белый наст впереди внезапно обрывается незаметной издалека пропастью, снег заканчивается высоким обрывом. Внизу катятся волны Балтийского моря, разбиваясь об острые утесы скал. Беспомощно завывая и прокручивая колесами, броневик летит вниз с двадцатиметровой высоты. Четыре обреченных крика сливаются в один. Кто-то поминает чужую маму, кто-то собаку женского пола, а прочие – северного пушного зверька.

Рихтер мягко приземляется на снежный наст, завершая высоченный прыжок. Ступни уходят в снег по щиколотку, тело выпрямляется, глаза провожают бронированную машину в последний путь. Убийца позволяет себе пару секунд отдыха, несколько свободных вдохов. Гулкий удар возвещает о том, что броневик достиг дна. Нергал поворачивается, окидывая взглядом бесполезный завязший грузовик и удаляющуюся пелену бурана. Встряхнувшись, он быстро шагает вслед за темнеющим шквалом.

Последний из преследователей осторожно катился сквозь бурю. Двое бойцов мрачно смотрели на мельтешащую череду снега сквозь замерзающее лобовое стекло. Внедорожник ехал медленно, торопиться оказалось вовсе некуда: беглец скрылся с глаз, ровно как и машины соратников. Никаких следов различить сквозь тьму бури не представлялось возможным.

– Что будем делать? – шофер задал почти что риторический вопрос.

– Связаться бы с базой... – протянул второй боец, – Запросить поддержку...

Водитель кинул на товарища насмешливый взгляд. Оба отлично знали, что никакой связи нет, а потому эти слова можно перевести как «нужно возвращаться». Но вернуться без бегльца означало нарушить приказ... А это чревато взысканиями и трибуналом.

Шофер плавно повернул вправо, совершая большую дугу разворота. Внезапно пелена тьмы спала, стена смерча унеслась дальше, оставив мехмобиль на белом заснеженном просторе.

– Эй! Что это там?!

Внедорожник взревел, набирая обороты, водитель разогнал машину, направляя ее к появившемуся неподвижному силуэту застрявшего грузовика. Поравнявшись с фурой, мехмобиль плавно остановился, бойцы не торопясь выбрались наружу.

Держа оружие наизготовку, солдаты подошли вплотную, осматривая увязший тягач.

– Никого! – крикнул шофер, заглянув в кабину.

Ответа не последовало, боец нервно оглянулся, ища глазами товарища. Взгляд наткнулся на подергивающееся тело, беспорядочно сучившее ногами. Из перерезанного горла мощным потоком разливалась кровь, оставляя на белом снегу неестественно яркое пятно. Ни следа убийцы, тот словно растворился в воздухе.

Боязливо вскрикнув, мужчина побежал к мехмобилю. Он часто оборачивался, дуло пулевика плясало из стороны в сторону, затравленный взгляд прыгал по снежным просторам. Теперь от возвращения на базу его не удержало бы даже самое строгое наказание.

Солдат схватился за ручку двери, когда вдруг почувствовал чье-то присутствие за спиной. Быстро обернувшись, он пропустил удар в челюсть. Свалился с ног, кое-как прикрыв голову. Помутневший взгляд выхватил высокий силуэт на фоне белоснежной пустыни, пулевик дернулся, стараясь навестись на цель. Второй удар пришелся в висок, выбив из вояки остатки сознания. Бесчувственное тело свалилось на ледяной наст, оружие выпало из безвольной ладони.

Подобранный пулевик полетел на сиденье, хлопнула дверь, затарахтел мотор, Нергал уселся, выворачивая руль в сторону. Внедорожник рванул с места, выбросив из-под колес снежный вихрь.

ГЛАВА 5

Мехмобиль спецгвардии мчался по ледяной трассе, Вольф вел машину на предельно возможной скорости с учетом опасности зимней езды. База Шпандау мигом осталась позади, вскоре периметр скрылся из вида, снежная пелена расстилалась от горизонта до горизонта, лишь впереди темнела стена надвигающейся бури.

Первые следы погони увидели минут через десять гонки. Слева от дороги, наполовину зарывшись в снег, дымился перевернутый искореженный внедорожник. Вольф притормозил, высматривая признаки жизни, но никакого движения заметить не удалось.

– Вперед, – скомандовал Ханс сквозь зубы.

Он уже принялся вести про себя список жертв, и этот документ разрастался с необычайной скоростью.

Машина вновь разогналась, но всего лишь через несколько сот метров на дороге показались новые пострадавшие.

Сначала встретился одинокий труп, раскинувший руки поперек трассы. Спустя пару десятков метров, на крыше лежал мехмобиль, впечатавшись бортом в снежную стену. Возле оторванной дверцы сидел на корточках водитель, держась руками за окровавленную голову.

– Едем! – буркнул Краузе, – Тут мы ничем не поможем.

Машина промчалась мимо раненого, устремляясь дальше по заснеженной дороге. Несколько минут гнали быстро и беспрепятственно, пока впереди не показалась стальная баррикада.

– Что за черт? – удивился Вольф, сбавляя ход перед настоящим завалом из трех грузовиков.

Одна фура стояла поперек трассы, морда глубоко вошла в снежную гору, прицеп едва не целиком перегородил путь. Две другие лежали рядышком, перевернутые на бок. Несколько человек ошарашенно ковыляли между тягачами, вытаскивая наружу тела убитых.

– Да тут целая бойня на дороге, – присвистнул Стрелок, – Не хуже, чем тогда, в Берлине.

Мехмобиль протиснулся между прицепами, вновь набирая ход.

Ханс угрюмо глянул вперед, на приближающийся шквал. Тьма, ветер и снег надвигались неумолимой тучей, темная пелена высотой с десятков метров накатывала на белоснежную пустыню.

– Черт побери эту бурю! – с досадой рявкнул дознаватель, – Он ведь уйдет! И никаких следов потом не отыскать!

Ян глянул на Босса, сочувственно улыбнувшись; Вольф пожал плечами, громадные ладони вцепились в руль стальной хваткой.

Нергал рассекал снежную пустыню совсем в другом месте и под другим курсом. Внедорожник уверенно форсировал снежный наст, оставляя ледяную целину лишь слегка потревоженной. Убийца мчался вдоль побережья, оставляя военную базу и тюрьму далеко за спиной.

Останки погони скрылись за пеленой бури, грозная туча шла параллельным курсом, то придвигаясь ближе, то чуть отстраняясь, мрачный фронт маячил буквально в сотне шагов. Скрип снега смешался с шелестом колес, завывания ветра и рокот шквала подгоняли вперед, заставляя выжимать из мехмобиля всю доступную скорость.

Белый наст, кажущийся издали идеально ровным, на самом деле изрыт колдобинами и ямами. Нергал бешено крутил рулем, на полной скорости обходя подвернувшиеся неровности. Возможно, именно это и спасло убийце жизнь.

Раздался оглушающий грохот, встречная волна огненного воздуха подкинула мехмобиль, как пушинку, едва не перевернув на бок. Взрыв расцвел почти под колесами, чудом разминувшись с мчащейся машиной. Водитель больно приложился головой о боковое стекло, нога судорожно вдавила тормоз, руки резко крутанули руль в сторону.

Внедорожник закружился и встал, оставив на снегу длинный косой след. Несколько секунд Рихтер приходил в себя, потом дверца отворилась, он медленно выбрался из кабины, задирая голову вверх.

На высоте сотни метров над землей парил небольшой боевой дирижабль. Убийца не особо разбирался в их разновидностях, но невооруженным глазом было видно, что это одна из последних, новомодных моделей, соединяющих в себе и мощь штурмовика, и маневренность истребителя, и гибельность бомбардировщиков.

Нос дирижабля расцвел вспышкой, через секунду раздался новый взрыв, чуть менее удачный, чем первый. Рвануло гораздо дальше, воронка образовалась в десятке шагов, мужчину и мехмобиль накрыло обильной снежной россыпью. Летающая машина плавно развернулась, заходя на цель другим бортом.

Рихтер неторопливо достал оружие, ухватив пулевика обоими руками. Два пулевика по два заряда – четыре шанса из миллиона, но все же лучше, чем ничего.

Об этом трюке он слышал от бывшего абсолютно седого стрелка с лицом, похожим на выжатый лимон. Они вместе коротали время у костра посреди адской пустоши, раскинувшейся в Преисподней. Когда огонь догорал, Нергал подкидывал в пламя новую порцию дров, а старик потчевал его первоклассными байками. Кажется, это было целую вечность назад, хотя прошло не больше пяти лет.

Невозможно точно понять, говорил ли рассказчик серьезно или выдумывал новый сюжет на ходу. По сморщенному лицу не прочесть ни единой эмоции, сухой голос звучал одинаково, говорил ли старик о нубийских девственницах или о ниппонских танках. Но других вариантов все равно нет, сейчас или никогда. Наконец, станет ясно, сколько правды в словах дьявольского стрелка.

«В дирижабле не так уж много уязвимых мест, – рассказывал старик, – Особенно в боевых моделях, с бронированным корпусом и жесткой оболочкой. Но они есть. Я самолично сбил три!»

При этом голова собеседника горделиво вздергивалась, будто приглашая к спору. Потом он подробно рассказывал, куда нужно целиться и как попадать. Нергал напряг мозг, старательно припоминая полушутливые наставления старика.

Дирижабль закончил разворот, заметно снизившись и набрав скорость. Рихтер поднял оружие, прищуренные глаза сосредоточились на мушке, палец сдвинул спуск.

Грянули два выстрела, правый винт воздушного судна ухнул, уходя в разнос, из машинного отделения повалил черный дым, через секунду сменившись открытым пламенем. Дирижабль с ускорением закружило против часовой, словно он вошел в штопор.

Нергал сменил пулевик, на этот раз он целился тщательно и терпеливо. Грохот выстрелов сменился громким свистом разгерметизировавшейся оболочки, а через секунду корпус полыхнул ярким пламенем. Огонь побежал по поверхности, разом охватывая всю конструкцию. Убийца опустил оружие, спокойно наблюдая, как прямо над головой проносится полыхающий огненный шар размером с трехэтажный дом.

Жалобно завывая, подобно раненному зверю, дирижабль сложился полыхающей тушей и рухнул оземь в сотне метрах от мехмобиля. Лязгнуло, ухнуло, раздался новый взрыв – огонь

добрался до порохового погреба. Осколки конструкции разлетелись окрест, в воздухе поплыл хорошо ощутимый жар, снег и лед плавились, стекая ручьями вокруг гигантского погребального костра. А еще пару секунд спустя место крушения накрыл черной непроглядной пеленой разбушевавшийся шквал.

Ханс схватил Вольфа за плечо, указывая пальцем за окно, вправо и вверх. Над снежной равниной парил боевой дирижабль, стремительно снижаясь.

– Туда! За ним! – скомандовал Краузе, не сводя глаз с парящей машины.

– Как я это сделаю... – пробормотал оборотень, высматривая съезд с трассы.

В этот момент фигура воздушного судна странно закрутилась, выполняя явно нештатный маневр. Тройка агентов прильнула к стеклам, наблюдая, как дирижабль охватывает пламя, и величественная летающая машина беспомощно валится на снег где-то подле горизонта.

– Что это было? – потрясенно выдохнул Ян.

– Нергал сбил дирижабль, – мрачно констатировал Ханс, сам не веря своим словам.

– Он... что?! Как это возможно?

– Не знаю. И это пугает больше всего.

Стрелок потрясенно замолчал, но по его виду было видно, что он намерен во что бы то ни стало выведать секрет. Вольф наконец смог повернуть, направив мехмобиль к месту крушения.

– Можно вопрос, – вкрадчиво поинтересовался Ян, – Что мы намерены делать, если в самом деле его нагоним? Этот Рихтер... Он невозможен! Я один из лучших стрелков в мире, и то так не умею! – парень ткнул за окно, – Да и Вольф... Нергал ведь нокаутировал тебя голыми руками, так?

– Дубинкой, – сквозь зубы прорычал оборотень, – И я не ожидал нападения... Черт возьми, Ханс, что ты ему дал?

– Обычный стимулятор, продается в любой аптеке! Кто знал, что он так подействует?

– То-то и оно, – заключил Ян, – Сколько еще нас ждет неожиданностей?

Мехмобиль въехал в бурю, бешеный ветер обрушился чередой порывов, стремясь перевернуть мехмобиль, ну или как минимум сбить путешественников с пути. Вольф сбросил скорость до черепашье, пробираясь сквозь тьму и снег буквально наощупь. Несмотря на закрытые двери и поднятые стекла, ветер задувал внутрь, находя лагуны в корпусе. Снежная наледь на стекле росла не по минутам, а по секундам, дворники сделались бесполезными.

Машина плелась еле-еле, шоферу с трудом, лишь руководствуясь звериным чутьем, удавалось выдерживать верное направление. Наконец, спустя какое-то время, буря начала слабеть. Ветер отпустил, снег унялся, шквал попробовал мехмобиль на прочность и беспомощно отступил перед стальной машиной. Не прошло и минуты, как смерч унесся прочь, а перед оглушенными агентами предстало место крушения дирижабля.

Обломки рассыпались по большой территории, взрыв вкупе с бурей помогли раскидать их на гигантское расстояние. Совершенно невозможно определить, где находятся какие части потерпевшего крушение судна. Ясно только одно – выживших нет и быть не может. Команда погибла вместе с летающим кораблем, разделив его участь. Кое-где тлели угли, местами прорывалось открытое пламя, сохранившее жар несмотря на холод и бушевавший смерч. В воздухе витали ароматы горелого пластика, едкий чад взорвавшихся химикатов и запах смерти.

Спецагенты выбрались из остановившегося мехмобиля, медленно разбредаясь по черному от обломков полю. Ханс шел, бесцельно осматриваясь, Вольф принохивался, будто ожидая почуять чудом уцелевших. Стрелок ошарашенно смотрел вокруг, стараясь оценить масштабы бедствия. Долгое время никто не проронил ни слова, соратники подавленно молчали, опасаясь встречаться глазами.

Стрелок подхватил оплавленный кусок, бывший совсем недавно удобным пассажирским сиденьем. Повертел в руках, разглядывая непонятно с какой целью, аккуратно опустил на снег. Над местом крушения разнесся тяжелый вздох.

Закончив беглый осмотр места крушения, обошли его кругом, пытаясь высмотреть следы беглеца. Тщетно. Как и предсказывал Краузе, буря стерла следы, перевернув снежный наст вверх дном по всему побережью.

Дознаватель смачно выругался, сплюнув на снег. Вольф смотрел вопросительно, Ян угрюмо ухмылялся, отвернувшись в сторону. Все понимали, что именно на них лежит доля вины в случившемся. Не рассчитали, не предусмотрели, не справились, не уследили. А расхлебывать приходится другим. Многие поплатились жизнями, а сколько еще ее лишатся, если и когда Нергал доберется до цивилизации?

– Куда он направится? – задумчиво протянул Стрелок.

– Откуда я знаю? – взорвался Ханс, – Туда! Туда! Или вот туда! – он размахивал руками в разные стороны, – Любое направление подходит!

Краузе несколько раз глубоко вдохнул, глаза дознавателя закрылись, он постарался успокоиться и собраться с мыслями.

– Ладно! – он продолжил неестественно спокойным голосом, – Хватит паники, пора приниматься за работу. Мне нужен список всех деревень, селений и хуторов в сорока милях вокруг!

Ян глубокомысленно фыркнул.

– Сомневаюсь, что мы раздобудем его раньше, чем утрясем недоразумения с вояками.

– Генерала и прочих чинов я беру на себя, – мрачно заключил Краузе, усаживаясь в мехмобиль, – Ты работай над списком, а Вольф займется рассылкой патрулей.

Стрелок еще раз фыркнул, показывая, что не особо верит в результаты трудов. Вольф захлопнул дверь, двигатель заурчал, мехмобиль развернулся, махнув задом по снегу. Машина направилась к базе Шпандау, оставляя позади разбитый в клочья дирижабль и уничтоженную на корню погоню.

ГЛАВА 6

Буря давно ушла стороной, но ближе к вечеру разыгралась небольшая снежная метель, превратившая белую пустыню в непроницаемую для глаз сказочную страну. Сквозь пелену кружащейся ледяной крошки невозможно разглядеть ни солнца, ни окрестностей. Вокруг только серая мгла, завывания ветра да снег: сверху, снизу, со всех сторон.

Нергал давно потерял направление, передвигаясь, по сути, наугад. Внедорожник бодро катил по снежной целине, чего не скажешь о его водителе. Убийца устал, он давно ничего не ел, плохо спал, действие стимулятора заканчивалось, как и дарованная им бодрость. Рихтер помассировал уши, виски, основание носа, еще несколько особых точек, воздействие на которые способно высвободить немного энергии. Жаль, этот эффект не может продолжаться вечно: запасы сил в организме отнюдь не резиновые, рано или поздно понадобится отдых.

Он собрался было остановиться, чтобы вздремнуть, но мехмобиль неожиданно наткнулся на дорогу. Колеса раскидали снег, зацепившись за асфальт, небольшая плохо расчищенная трасса уходила в обе стороны, теряясь в тумане.

Выбрав направление случайным образом, Рихтер направил мехмобиль в ту сторону. Теперь он сосредоточился на одном: не съехать с так удачно подвернувшейся колеи. Впрочем, это оказалось не так-то уж и трудно: по заснеженному асфальту колеса шли относительно ровно, но стоило чуть двинуться в сторону, как начинались шум, дребезжание и тряска.

Прошло около часа неспешной езды, прежде чем дорога привела к конечному пункту. Перед уставшим взглядом Нергала раскинулся небольшой хутор, окруженный крепким частоколом. С десятков изб горели огоньками окон, из труб на крышах поднимался дымок, тишина и умиротворенность места поражала воображение. Мехмобиль подъехал вплотную к запертым воротам, Рихтер нетерпеливо нажал на клаксон.

Минут через десять стальная створка медленно отъехала в бок, Нергал загнал машину внутрь ограды, остановившись сразу за частоколом. Тяжело вздохнув, убийца заглушил двигатель; хлопнула дверь, выпуская водителя наружу.

К нему подошли два мужика почтенного вида, закутанные в тулупы. Смотрели бодро и приветливо, но заметив внешний вид гостя, как-то разом сникли. Нергал усмехнулся: наверняка приняли за дезертира. Про военную часть-то точно знают, а вот тюрьма секретная, не пристало обычным крестьянам о ней слышать.

– Здравствуйте! – преувеличенно бодрым голосом поздоровался Рихтер, – А что, мужики, найдется у вас, куда приспособить внедорожник?

– И тебе не хворать, – ответил тот, что стоял поближе, – Найдется, как не найтись... Хорошая машина в хозяйстве всегда пригодится. Только вот...

Он с досадой скосил глаза, будто стесняясь сказать о чем-то постыдном.

– Мне нужна одежда, еда и отдых, – Нергал растолковал сомнения хуторянина по-своему, – Денег не возьму. А завтра проводите в ближайший город.

Мужик поморщился, почесывая бороду.

– Мы-то бы и с радостью, да тут вишь какое дело...

Убийца уже устал от недомолвок. Хотелось поскорее оказаться в каком-нибудь теплом месте, желательно за столом, а может и в кровати.

– С каких это пор свободные фермеры питают особое почтение к центральной власти? – хмуро поинтересовался Нергал.

– С тех пор, как эта самая власть здесь появилась! – новый голос появился неожиданно, из темноты.

Звучал он бодро, со злостью и скрытой радостью, а принадлежал высокому мужчине в военном полушубке. Голову прикрывала шапка на меху, глаза смотрели с жадной наглостью, на груди красовалась стальная звезда, в руке напряженно подрагивал взведенный пулевик.

– Вот, значит, бургомистр... – тихо пояснил ближний мужичок.

– Месяца три как, итить его, – еще тише добавил второй с унылой физиономией.

Бургомистр подошел, старательно держа прищельца на прицеле. У мужиков, кстати, оружие тоже имелось, но они даже не подумали снять пулевика с перевязи. Представитель власти остановился, почти упершись дулом в грудь Нергалу.

– И кто же это тут у нас тако... – начал он и захлебнулся собственными словами.

Рихтер мгновенно повернулся, смекаясь с линии выстрела, руки взлетели двумя резкими ударами, оружие тут же поменяло владельца, раздался громкий треск, ладонь бургомистра повисла безвольной тряпкой, пулевик прыгнул, холодное дуло вошло в пасть представителя власти, заставив того заткнуться. Мужики застыли с открытыми ртами, не понимая, что происходит.

– Этот тип кому-нибудь здесь дорог? – мрачно поинтересовался Нергал.

В глазах бургомистра забился непередаваемый ужас, ближайший хуторянин стянул шапку, растрепав густую шевелюру.

– Дык, не особо...

Закончить он не успел. Раздался выстрел, на белом снегу расплескались красные ошметки, тело с обезображенной головой рухнуло бревном.

– Ну, этот вопрос решен, – устало заключил убийца, – Так что насчет мехмобиля?

Мужики задумчиво переглянулись.

– Пришлют ведь нового... – пробубнил один, – Как пить дать пришлют. Да еще расследование учудят...

– Пришлют или нет, это еще бабушка надвое сказала, – резонно возразил второй, – А коли и приедет, так будет поговорчивее, памятуя об этом, – он без всякого почтения поддел мертвеца носком сапога, – Тем более, когда это еще будет? А мехмобиль-то вот он, уже здесь...

– Тоже верно, – согласился первый.

Рихтер стоял с непроницаемым лицом, дожидаясь окончания неспешного обсуждения. Ему доводилось встречаться с разными людьми, и убийца понимал, что мужики тянут время не со зла, просто им нужно все обговорить, вроде как посоветоваться, переложить часть ответственности друг на друга.

– А тебя, часом, искать не будут? – настороженно уточнил хуторянин, – Нам тут лишние проблемы ни к чему.

– Может и будут, но не сегодня, – усмехнулся Нергал, – Да и вам-то что? Скажете правду. Был, мол, убил бургомистра, переночевал да уехал. С вас и спроса нет.

– Так-то оно так... – пробормотал мужичок.

– Ладно, – решил второй, – Раз уж так повернулось... Ступай в бургомистерский дом, – он указал на стоящую поодаль избу, – Размещайся. Насчет еды сейчас распорядимся.

Войдя в протопленную хату, Рихтер с удовольствием скинул осточертевший бушлат, ноги наконец высвободились из тесных ботинок. Раскочегаренная печка жарила немилосердно, пришлось стянуть свитер, чтобы остановить льющийся градом пот.

Незванный гость, а теперь, пожалуй что и хозяин дома, уселся за грубо срубленный стол. В комнате больше ничего, по сути, и не было: каменная печь, стол с двумя лавками по бокам, да пара сундуков для хранения барахла. За широкой ширмой спряталась двуспальная кровать, образуя в закутке своеобразную спальню. Крохотные оконца почти целиком заросли инеем, на

стенах между ними нависали полки, уставленные всевозможной утварью. В целом изба оставляла стойкое ощущение холостяцкой берлоги, неудобной и неухоженной.

На столе лежал ломоть хлеба с салом, дымилась кипятком чашка чая. Видимо, хозяин как раз собирался вкушать поздний ужин, да на свою беду, не успел. Рихтер в один присест умял гигантский бутерброд, запивая обжигающим напитком. Нергала несколько не смутил тот факт, что он в доме только что убитого бургомистра, ест им же приготовленную для себя пищу. Что поделать, такова жизнь...

В сенях хлопнула дверь, вскоре в комнату вошла усталая испуганная женщина. Она посмотрела на жующего убийцу со смесью заметной тревоги и тихой решительности.

Красивая, совсем еще не старая, с выразительными карими глазами и темными волосами, опускающимися до пояса. Потрепанное серое платье открывало вид на высокую грудь и безуспешно пыталось скрыть крутые бедра и сильные ноги. Пальцы натруженных рук сцепились между собой, она теребила край подола, крепкие зубы закусил нижнюю губу.

Нергал не сказал ни слова, женщина стояла, стараясь перебороть страх. Наконец, решившись, она опустила глаза и принялась суетиться вокруг пугающего незнакомца. В печи брякнули чугунки, непонятно откуда появилась тарелка с картошкой. Постепенно на столе образовалась более чем сытная трапеза, составленная из простой, но весьма вкусной снеди.

Рихтер насыщался, краем глаза поглядывая на хуторянку. Фигуристая, как раз в его вкусе, да и на лицо дурнушкой не назовешь. Полные губы, густые изогнутые брови, небольшой нос. Единственное, что портило впечатление – выражение усталости и страха, не сходящее с милой мордашки. Проглотив последний кусок, убийца удовлетворенно отодвинул тарелку.

– Как звать? – холодно поинтересовался он.

– Мария...

Голос тоже понравился. Низкий, густой, чувственный. Было в нем нечто... многообещающее.

– А муж, что же, не против, что ты прислуживаешь чужаку?

– Я вдова, – она сказала это со смесью гордости и простодушного вызова.

– Понятно, – кивнул Нергал, – Потому тебя и подослали.

Женщина неопределенно пожала плечами, не поднимая взгляда от стола.

– Туда ты тоже пойдешь? – Рихтер указал на кровать за ширмой.

Мария ничего не ответила, лишь острый подбородок предательски дрогнул.

Мужчина понятливо кивнул, сильные руки заграбастали хуторянку в охапку. Не задавая больше глупых вопросов, он грубо стянул платье, женщина вздрогнула от уверенных жестких прикосновений. Сноровисто разоблачившись, двое рухнули на широкое ложе. Кровать закричала в такт быстрым размеренным движениям, ей вторило пыхтение мужчины и женские стоны, вызванные то ли болью, то ли приступом сладострастия. Прошло немало времени, прежде чем соитие достигло апогея, а звуки борьбы сменились мирным сонным посапыванием.

Поднявшись, Рихтер вышел в комнату, ширма взвизгнула, скрыв от взора кровать с раскинувшейся женщиной. Она удовлетворила убийцу более чем, страсти и нерастраченной сексуальной энергии Марии хватило бы на много ночей подряд. Но сон не шел, нечто непонятное тревожило мужчину. Он прошелся по комнате, краем глаза оглядывая темные углы.

– Долго ты там намерен прятаться? – сурово поинтересовался ассасин.

Ответа не последовало, лишь в дальнем конце комнаты послышалось сдержанное шуршание. Спустя пару секунд на свет выступил молодой юноша с ножом в руках.

Черноволосый, чернобровый, среднего роста, но заметно, что с возрастом станет гораздо выше. Уже сейчас сильный, жилистый, худые плечи начинают раздаваться в стороны. Нергал внимательно всмотрелся в лицо – пронзительно голубые глаза сверкали смелостью и решимостью.

– Мать? – поинтересовался убийца, слегка кивнув на ширму.

Мальчуган склонил голову.

– Почему же не вступился?

– Она... сама вызвалась, – буркнул парень, стараясь придать голосу солидности, – Я ведь понимаю...

– А оружие тогда зачем?

– На всякий случай. Чтобы никто не обидел!

Рихтер ухмыльнулся, поглядывая на юношу с интересом. Было в нем что-то... некая необузданность, скрытая до поры сила.

– Если уж держишь нож прямым хватом, парень, то будь добр поверни его лезвием к противнику, а не в пол, – мужчина покрутил ладонью, демонстрируя нужное положение.

Мальчик несколько смущенно развернул оружие, выставив его перед собой, хотя Нергал и не думал нападать.

– И запомни, юнец, – с паскудной миной добавил убийца, – Никогда не доставай клинок, чтобы пугать. Схватился за нож – будь добр резать! Оголенное лезвие должно попробовать крови.

Сверкнула сталь, юноша молниеносно прыгнул вперед, широко взмахнув рукой. Нергал отшатнулся, с трудом избежав удара. Холодное лезвие рассекло кожу, оставив на плече тонкую царапину. Красная капля сгустилась на краю ранки, кровь тут же загустела и свернулась.

– Хорошо! – ледяным тоном похвалил убийца, – Ты схватываешь на лету!

Нергал взглянул на рану, взор мужчины помутился. Сколько таких шрамов, больших и маленьких, глубоких и поверхностных, легких и смертоносных, хранят руки и тело убийцы? Он давно сбился со счета, сетка порезов покрывает кожу равномерным узором, где реже, а где сгущаясь в непроходимую вязь. При каких обстоятельствах получены – не упомнишь, но все же память выдает порой незабываемые эпизоды...

Толпа гудит и беснуется, зрители орут, подбадривая бойцов, народ жаждет крови. Как можно больше крови и – как финал действия – смерть!

Два гладиатора скользят напротив друг друга, круглая песчаная арена истоптана следами босых ног, кое-где на желтой поверхности видны красные брызги. Каждый сжимает в ладони по ножу, сталь угрожающе блестит в отсветах ламп. Потные худые тела напряжены, полусогнутые ноги готовы к прыжку, руки дрожат от нервного напряжения, глаза провожают врага с неприимимой злостью. Толпа надрывается, призывая к активным действиям, особой пикантности бою придает возраст противников: одному парню двенадцать, другому четырнадцать лет.

Подпольные полулегальные смертельные бои вышли на пик популярности, когда организаторы сообразили, что можно сталкивать в них самые невообразимые пары. Что, например, будет, если в битве не на жизнь, а на смерть сойдутся вампир и оборотень? Эльф и гном? Ниппонский самурай и суровый варвар из Диких Земель? Ну и конечно, почтенная публика не обошла вниманием и бои с участием подростков. Такие схватки не отличались особой красотой, зато детишки компенсировали недостаток умения невиданной жестокостью.

Старший дернулся, сделав обманное движение, противник прыгнул в сторону, нарвавшись на серию неожиданных росчерков. Он попытался уклониться, но несколько выпадов достигли цели, плечо и грудь окрасились красным, зрители взорвались одобрительными криками. Окрыленный успехом, юноша ринулся вперед, собираясь прикончить врага, но тот ловко упал, перекувыркнувшись в сторону. Опять напряженные стойки, новый этап движения по кругу.

Огромное подвальное помещение торгового центра вмещало в себя несколько сотен болельщиков, не считая бойцов, охрану и обслуживающий персонал. Заправляла всем, конечно, мафия, но и представители закона имели известную долю с головокружительных при-

былей. Несмотря на более чем внушительную стоимость входного билета, зал всегда забивался до отказа. Ну а основные деньги, естественно, приходили с тотализатора.

Высокий боец прыгнул вправо, влево, сбивая противника с толка, длина рук позволяла наносить удары с безопасного расстояния. Раненый отступал, яростно отмахиваясь, но на щуплом теле появлялись все новые порезы: то на руках, то на груди и животе. Толпа ревела, опьяненная зрелищем льющейся крови, деньги и алкоголь также текли рекой.

Здесь принимались и делались ставки на что угодно: на победу и поражение, на жизнь и смерть, на количество ран и время, за которое закончится бой. Закон один – плати, и наверняка найдется тот, кто примет самое безумное пари с хорошим коэффициентом.

Щуплый парень понимал, что драка не может продолжаться вечно: еще несколько минут и он просто свалится от потери крови. Высокий наступал, то подпрыгивая вплотную, то плавно уходя назад, нож танцевал в его руках, то скрываясь с глаз, то вновь взрываясь смертоносным росчерком. Как ни старался юноша, как ни уходил от ударов, лезвие настигало, все новые раны покрывали тело. Более взрослый и более умелый противник «расписывал» визави, постепенно превращая тело мальчика в кровавое месиво. Юный противник ничего не мог противопоставить ощутимо опытному врагу.

– Добей! – вопили вокруг, со всех сторон слышались бесчеловечные крики, – Мочи мелкого! Убей!

Раненый юноша едва держался на ногах, его враг уже не сражался, он танцевал, красовался перед публикой, похваляясь искусством владения ножом. Лезвие резало противника в разных местах: то чуточку тут, то слегка там. Обессиленный малец опустил на одно колено, не в силах больше стоять.

– Убей! Убей! – скандировал зал.

Высокий повернулся, чтобы отыскать взгляд врага, но тот устало опустил голову, с рассеченной брови не переставая капала кровь. Молодой чемпион перехватил нож покрепче, намереваясь нанести эффектный завершающий удар.

Никто толком не понял, что же произошло дальше.

Богатырский замах раскрутился с неимоверной мощью, парень ударил, но чудесным образом промазал мимо тонкого силуэта. А в следующий миг рухнул на песок, схватившись ладонями за перерезанное горло. Кровь залила песок, растекаясь озером; изо рта слышался страшный хрип, жизнь вытекала из бойца с последними сокращениями сердца. Воцарилась тишина, через секунду взорвавшаяся настоящим хаосом. Толпа бесновалась, она чувствовала себя обманутой.

Нергал выпрямился, даже не глядя на поверженного врага. Серые глаза убийцы смотрели на трибуны, и те, на кого падал холодный безжалостный взгляд, морщились и содрогались, будто от внезапного озноба.

Многочисленные раны саднили болью, кровь струилась по телу, разрезанная бровь заливала лицо. Но это не волновало юного гладиатора, так же, как и разочарованные стоны публики. Главное, что он жив, а враг мертв. Ставка на один удар сработала, хоть победа и далась весьма дорогой ценой. Что ж, тем больше выигрыш.

Юноша выстоял положенное время, самостоятельно покинул арену, и лишь в подсобке, под присмотром двух лекарей, позволил себе отключиться. Именно в тот день Рихтер познал вкус убийства, аромат чужой жизни, уходящей в никуда с его непосредственным участием. Безвестный молодой чемпион пал жертвой гениального ассасина. Первой, но далеко не последней.

Нергал открыл глаза, очнувшись на полу. Он совершенно не помнил, как и почему упал, немного болела голова, приложившаяся об дерево. Над мужчиной склонилось встревоженное лицо мальчугана, руки бережно трясли за голое плечо.

– Эй, мистер! – громко шептал парень, – Я же только пошутил! Что это с вами?

Убийца отстранил парня в сторону, принимая сидячее положение. Он удивленно прислушивался к себе, не находя причин для обморока. Возможно, накопилась усталость и одновременно закончилось действие стимулятора... Впрочем, раньше таких видений с отключкой за Нергалом не числилось.

– Ничего, – пробормотал он, поднимаясь на ноги, – Просто отвык от свободы. Нужно выспаться.

Мужчина сделал несколько шагов, настороженно посмотрел на руки. Тело слушалось, и взгляд убийцы обрел былую уверенность.

– Шел бы ты домой, парень, – Рихтер мрачно указал на дверь, – Не волнуйся, *теперь* с твоей матушкой точно ничего не случится.

Мальчуган, насупившись, кивнул, неторопливо прошаркав к выходу.

– Я сам отвезу вас завтра в город, – обернувшись, сказал он, – На снегоходе.

– А ты сумеешь? – усмехнулся Нергал.

Парень обиженно фыркнул и вышел, не удостоив ответом. Хлопнула дверь, убийца запер вход на засов. Выглянул в окно, провожая тонкую фигуру взглядом.

Нергал усмехнулся, голова удивленно качнулась. Чем-то этот шкет нравился мужчине, словно он встретил свою юную версию. Возможно, лучшую версию. С той же безумной смелостью и бесшабашностью, но без кровожадности и одержимости убийствами.

Стараясь не шуметь, Рихтер скользнул за ширму, обессиленное тело упало на кровать, сон пришел еще прежде, чем голова коснулась подушки. Спящая женщина повернулась, закинув ногу на бедро убийцы.

ГЛАВА 7

Ханс Краузе взбирался в гору, и этот процесс совсем не радовал молодого дознавателя. Он любил природу, но скорее в созерцательном плане: любоваться красотой озера и звездным небом, но отнюдь не преодолевать крутые склоны или опасные пороги рек. Однако, ситуация обязывала.

Снежный косогор, покрытые хвойным лесом, тянулся во все стороны, насколько хватало глаз. Дикие места. То тут, то там виднелись следы животных, сугробы поднимались на несколько метров, деревья царапали вершинами небосвод. Здорово пахло соснами и шишками, где-то неподалеку стучал дятел, по широкой ветке прошмыгнула доверчивая белка. На пути то и дело встречались огромные валуны и поваленные стволы старинных великанов, количество годичных колец у которых исчислялось многими сотнями.

И все же, несмотря на всю дикость пейзажа, здесь явно чувствовалось присутствие человека. Взять хотя вот эту тропку, петляющую между камнями и деревьями. Кто-то ведь ее проложил и регулярно обновлял, чтобы снег не завалил проход окончательно. Ханс тяжело вздохнул. Кто-то... Известно кто, а иначе он бы сюда ни в жизнь не поперся!

С непривычки карабкаться вверх оказалось сложно, мучила одышка, да и ноги напоминали о своей слабости неприятным гудением. Немного отдышавшись, Краузе с обреченным видом продолжил восхождение.

Наконец, преодолев очередной крутой склон, он выбрался на небольшое плоскогорье. С дальнего края долина обрывалась отвесным ущельем, с двух сторон к ней подступал лес, а последнее направление защищали горы, поднимавшиеся к облакам.

Ханс невольно огляделся, оценивая красоту скалистого пейзажа. Свежий ветерок бросил в лицо горсть снега, пахло разведенным огнем, дознаватель остановил взгляд на крепкой бревенчатой избушке, примостившейся аккурат по центру плато. Окна мерцали льдом, из трубы отвесно поднимался дымок, рядом со стеной расположилась полная поленница, в толстенном чурбаке торчал небрежно воткнутый колун. Краузе медленно подошел, прислушиваясь, но в доме стояла глубокая тишина. Только из леса доносилось щебетание птиц, да где-то вдалеке журчал ручей.

Дознаватель громко постучал, но ответа не последовало. Он повторил стук – с тем же результатом. Дернул ручку – деревянная дверь плавно отошла в сторону. Секунду Краузе размышлял, обдумывая варианты.

– Ну, раз тут не заперто, – громко проговорил он, как будто не для себя, а для чужих ушей, – То почему бы и не зайти?

Неуклюже протиснулся внутрь крохотной прихожей, заснеженный тулуп и сапоги примостились у стены, из внутренностей дома пахло приятным теплом. Ханс вошел в комнату, взгляд пробежался по уютному убранству. Дознаватель подобрался к камину, озябшие руки протянулись к спасительному огню.

Отчетливо щелкнул взведенный курок, Краузе шестым чувством ощутил дуло пулевика у собственной головы. Хотя он и ожидал чего-то подобного, но все равно был ошарашен той легкостью, с какой его обвели вокруг пальца.

– Йохан? – вкрадчиво спросил Ханс, не торопясь делать резких движений.

– Зачем ты пришел? – скрипучий недовольный голос мог бы принадлежать старику, однако, его обладателем являлся мужчина в полном расцвете сил, – Ты же знаешь, я не люблю людей!

– Поэтому и забрался так высоко? – дознаватель неторопливо обернулся.

– Именно!

Пулевик скользнул в кобуру, его хозяин чуть заметно улыбнулся краешком губ, глаза насмешливо сощурились. Он прошелся по комнате, легким движением опустившись в плетеное кресло-качалку.

Высокий, худощавый, с русыми волосами и бородой. Ханс присмотрелся к фигуре хозяина, отмечая немногочисленные изменения. Лицо будто бы слегка вытянулось, прическа стала чуть длиннее, плечи слегка раздались, пальцы все такие же худые, как иголки. Несмотря на прошедшие годы, Йохан словно помолодел, стал опрятнее, ухоженнее.

– Ну, что дал осмотр? – усмехнулся мужчина, пронзительные глаза спрятались за ресницами.

– Ты изменился, – с недоумением отметил Краузе, – Причем, явно к лучшему.

– Похоже, горы хорошо влияют, – хозяин пожал плечами.

– Не настолько... Вряд ли в горах ты начал носить женские трусики.

Йохан напрягся, суровый взгляд пробежался по комнате, остановившись на диване с кучкой разбросанной одежды.

– Вот черт! – улыбнулся он, – Я и забыл, что от тебя ничего не скроешь!

Ханс смотрел на брата с удивлением и внезапно проснувшейся радостью. Очень давно он не видел Йохана улыбающимся, пожалуй, с самого детства. Мальчик смеялся и радовался жизни ровно до того мига, как внутри не проснулся *дар*. С тех пор время веселья прошло. И вот...

– Кто она? – осторожно уточнил Краузе-младший.

– А... Не важно. Анята не любит людей еще больше, чем я.

– Разве такое возможно?

Мужчина пожал плечами, как бы говоря «как видишь». Ханс растеряно покрутил головой. Он опешил, почти позабыв, зачем вообще явился. Не ожидал увидеть брата... таким. И теперь казалось неким кощунством влезать в хрупкое чужое счастье со своими проблемами.

– Ну... Я рад за вас. Действительно рад!

– Спасибо, – Йохан грустно сощурился, – Но ведь ты пришел не за этим, не так ли?

– Экстренные обстоятельства...

– Ну конечно.

Дознаватель оперся на стол, приводя мысли в порядок.

– Ты ведь знал о моем визите?

Тяжело вздохнув, хозяин дома мрачно кивнул, с мужественного лица исчезли все следы веселости.

Ханс принялся рассказывать. Начал издавека, с осенних событий. Когда Нергал Рихтер внезапно явился в Берлин после многолетнего отсутствия и начал убивать. Причем, не абы кого, а представителей тогдашней власти. Прошелся, так сказать, по всей вертикали: от простых жандармов, до судей, от главного прокурора до самого канцлера. Что им двигало? Кто направлял? Дознаватель рассказывал подробно, но, насколько возможно, объективно. Собственные выводы оставлял при себе, Йохан этого не любит.

С ним вообще сложно, никогда не поймешь, что нужно проговорить вслух, а что брату уже известно. Он знает многое, еще больше предвидит, но все же, к счастью, не всеведущ. Иначе... Его жизнь была бы еще печальней.

Рассказ плавно перешел к засаде и пленению Нергала. Краузе в общих чертах обрисовал сложившуюся ситуацию, первопричины и предпосылки чужих действий. Тяжело вздохнув, перешел к повествованию о побеге убийцы из тюрьмы. Здесь рассказывать особенно нечего, дознаватель обошелся парочкой общих фраз.

– Войска прочесывают близлежащие селения, но я не верю в успех, – заключил рассказчик, – А даже если найдут, остановить Рихтера им вряд ли по силам.

Йохан слушал молча, прикрыв глаза, длинные пальцы изредка вздрагивали, постукивая друг по другу. Когда гость замолчал, мужчина еще долго сидел, предаваясь глубоким размышлениям. Наконец, послышался долгий выдох, веки приподнялись, тяжелый взгляд придавил дознавателя к месту.

– Что такое, Ханси? Неужели что-то пошло не так, как задумывал? Такой хороший, долгоиграющий план, и вдруг **на** тебе! Развалился... Страшно?

Младший брат поежился. Никто не называл его «Ханси». Никто, кроме Йохана. Это прозвище осталось в далеком прошлом... В те счастливые времена, когда оба были всего лишь беспечными детьми, без всякого намека на какие-либо особые способности...

Йохан наблюдал за смятением брата, и вдруг грустно рассмеялся. Поднявшись, он налил стакан воды из кувшина, с жадностью напился.

– Ты уже второй раз полагаешь себя главным там, где на самом деле от тебя ничего не зависит, – подытожил свои выводы старший, – Строишь планы, хотя не располагаешь необходимыми данными. Доверяешь шатким суждениям и ненадежным фактам. И вот результат: безупречный, казалось бы, замысел провалился, убийца на свободе и, не ровен час, явится по твою душу.

Ханс склонил голову, признавая правоту собеседника. Кому-кому, а брату он мог доверять полностью. Если сам дознаватель читал людей лишь поверхностно, то Йохан видел их насквозь, со всей подноготной. Потому и не мог жить в обществе, сознавая всю ту мерзость, что находится в человеческих душах под тонким налетом нравственности и морали.

– Этот человек, Нергал, – задумчиво продолжил хозяин дома, – Он, как бы сказать... сильнее судьбы. В некотором роде стоит над предназначением. Потому, контролировать его действия – задача глупая и практически невыполнимая. Хотел бы я сам с ним познакомиться... Но, боюсь, это будет слишком опасно для нас обоих.

Йохан задумчиво почесал бороду, тоскливо глянул на высокие настенные часы.

– Рихтер стал твоей самой большой ошибкой, Ханси, – заключил брат, – Но, ирония судьбы такова, что он же может превратиться в самую большую твою победу.

Краузе-младший с досадой поерзал, переваривая услышанное. Очень уж его раздражала такая манера говорить: сплошные загадки вместо прямых ответов, постоянная многозначительная недосказанность, граничащая с какой-то мистификацией. Нет бы просто сказать: делай то-то и то-то, и будет тогда так-то и так-то... Впрочем, он сам понимал, что, заглядывая в будущее, можно говорить только в сослагательном наклонении.

– Мне нужна помощь, Йохан. Я не знаю, что делать!

Старший брат поморщился, будто услышав несусветную глупость.

– Помнишь, в детстве ты лез драться с соседними мальчишками, когда они мучили кошку... А мама тогда отчитывала тебя, покрывая мазью полученные синяки. «Не начинай то, что не знаешь, как закончить!» Сколько лет прошло, а совет по-прежнему хорош.

Ханс съежился, втянув плечи. Накатили слишком яркие воспоминания, к глазам невольно подступили слезы. Время, когда родители живы, когда *дар* еще не проснулся и не отнял у братьев детство. А потом... Йохан в миг посерьезнел, позабыв про смех и улыбки. Однажды утром просто исчез, ушел из дома. Да и младший брат терпел с трудом. Начались проблемы в школе, непонимание, одиночество.

– Не грузись, парень, – мягкий голос брата вывел из невеселых раздумий, – Хорошее у нас детство. Бывает гораздо хуже, поверь. К тому же, детство – еще не вся жизнь. Теперь мы сами решаем, как и почему жить!

Младший сдержанно улыбнулся, понимая, что это лишь словесная эквилибристика.

– Разве *ты* выбрал жить в горах, вдали от людей?

– Конечно, я!

И оба грустно усмехнулись.

– Послушай, ты уже наделал много глупостей, – сказал Йохан после небольшой паузы, – И теперь можешь сделать лишь одну мудрую вещь. Не мешай судьбе. Пытаясь ее переиграть, мы только приближаем неизбежное.

– Как это понимать, черт возьми?

– Как? Буквально! – старший Краузе смеялся одними глазами, – Знаешь, Ханси, я тебе даже немного завидую... Такая насыщенная, долгая и интересная жизнь...

– Разве можно об этом говорить? Зная о «долгой» жизни, я могу стать безрассудным и меня задавит первый встречный мехмобиль.

– Ха! Ну ты ведь не дурак. Будущих великое множество, какое из них осуществится... Доподлинно не известно даже мне. И хорошо. Довольно грустно жить, зная все наперед.

– Потому ты и ушел?

– Одна из причин. Люди слишком предсказуемы и слишком...

– Мерзкие?

Йохан не ответил, отвернувшись, но Ханс понял, что именно так он и думает. Что ж, правда колет глаза. Но рано или поздно нужно ее принять.

– И вот еще что, – глухо проговорил брат, – Не приходи больше. Никогда. Ты знаешь, мне это неприятно. Ты лучше других, но...

Ханс кивнул, проглотив подступивший всхлип. Хотелось сказать что-то теплое или хотя бы положить руку на плечо единственного родного человека.

– Прощай...

Он вышел, не дождавшись ответа, Йохан сидел спиной.

Ханс Краузе замер во взлетающем самолете, его трясло. Не сказать, что встреча с братом чем-то помогла, скорее даже наоборот, сбила с рабочего настроения. Прощание получилось совсем скомканным. До сих пор пробирала дрожь от непонятной недосказанности, что осталась между ними.

Черт его дери! «Не приходи больше никогда...» Да хренушки! Заявлюсь, будь уверен! Не может же Йохан прятаться вечно. А я хочу увидеть брата, посидеть вместе у камина, да и – чем черт не шутит? – понынчить племяшек!

Дознаватель вытянул ноги, вернувшись из размышлений к настоящему времени. За окном планера проносились горные склоны, только что отстыковались реактивные толкатели, осталась пара часов размеренного полета. Краузе прикрыл глаза, вновь переваривая насущные проблемы.

Брат вроде бы и помог, но как-то странно. Эти его размышления о глупости и мудрости... Совет не ввязываться и не мешать судьбе... Странно все это. Понимать буквально – означает сидеть, сложив руки, а на такое Ханс не способен. Даже если события развиваются помимо плана, их нужно держать под контролем, пусть и чисто информационным.

Приняв решение, Краузе расслабился, на душу снизошел покой. Довольная улыбка тронула губы дознавателя, голова склонилась на бок, дыхание выровнялось. В аналитической части мозга начал складываться новый порядок действий.

ГЛАВА 8

Пришло раннее утро, от снежной бури не осталось и следа. Восходящее солнце осветило белую пустыню, отражаясь от поверхности слепящими бликами. Морозный воздух несказанно бодрил, даже в отсутствии ветра. Прозрачное голубое небо наводило на мысли о бренности всего сущего...

Снегоход мчался ровно, без рывков и покачиваний. Аскольд, а именно так звали юношу с ножом, сдержал обещание, собственноручно подогнав транспортное средство к двери дома. Нергал успел умыться и позавтракать, когда мальчуган принялся поторапливать в путь. Он уверенно уселся за руль, с деловым видом поджидая, пока Рихтер устроится позади. Никто их не выгонял, никто не напутствовал, только Мария вышла проводить сына в дорогу. Она посмотрела на парня, в глазах женщины читалась хорошо заметная тревога вперемежку с гордостью.

Аскольд неторопливо выехал за ограду, а уж тут втопил по полной, выжимая из снегохода максимум скорости. Ориентировался парень по одному ему известным приметам, ни разу не свернув и не засомневавшись в направлении. Нергал вцепился в ручки, чтобы не вылететь из сиденья, ледяной встречный воздух бил в незащищенное лицо, вымораживая напрочь. Холод не замедлил расползтись по всему телу, но убийца стойчески переносил неприятности. Он лишь плотнее закутался в бушлат, стараясь сохранить остатки запасенного тепла.

Дорога заняла около часа, мальчик остановил снегоход, когда первые дома города оказались в шаговой доступности, а прямо перед путниками пролегла хорошо расчищенная асфальтовая трасса.

– Штеттин, – буркнул парень, – Добро пожаловать...

Нергал, кряхтя, сполз с сиденья, озябшая рука хлопнула Аскольда по плечу. Тот без лишних слов тронулся с места, снегоход лихо развернулся на пятачке, через минуту о юноше напоминал только далекий снежный шлейф, летящий по сверкающей равнине. Рихтер посмотрел вслед, покачивая головой. Суровый молодой человек.

Убийца вышел на асфальт, уверенной поступью направившись в центр города. Через считанные минуты вокруг пешехода уже возвышались дома, появились первые мехмобили, кое-где сустились горожане. Нергал шагал, руководствуясь чутьем, свернув в сторону лишь раз. Большинство встречных его не замечали, а те, кто обращал внимание, торопились отвести взгляд. Никому не хотелось играть в гляделки со смертью.

Наконец, Рихтер увидел то, что искал. Вывеска Центробанка занимала пол дома, не оставляя сомнений в принадлежности широкого парадного входа. Нергал взлетел по ступеням, дверь пропустила внутрь, одарив приятным теплом обогретого помещения.

Клерк, молодой мужчина с тонкой полоской усов, приветливо улыбнулся, но тут же как-то сник, рассмотрев первого посетителя. Радостное выражение сошло на нет, лицо оплыло, глаза обреченно забежали. Вероятно, он надеялся, что Нергал выберет для общения кого-то другого, но убийца, нахально улыбнувшись, подошел именно к нему.

– Я хочу закрыть именной счет, – проговорил Нергал, разом выдав десятизначный номер по памяти.

– Счет открыт в нашем отделении? – служащий хлопнул толстой учетной книгой, перелистывая страницы.

– Это межбанковский счет, – мрачно улыбнулся Рихтер, – Я плачу процент, чтобы не слышать подобных вопросов.

Молодой человек отыскал нужную запись, убийца с впечатляющей точностью отчеканил длинный цифробуквенный ключ. Клерк уныло посмотрел на посетителя, предвидя надвигающиеся проблемы.

– Мистер Нергал, мне нужно ваше удостоверение личности... – прошептал он дрожащим голосом.

– Осталось в другом пальто, – пошутил Рихтер, зловеще улыбаясь.

– При всем уважении...

Убийца тяжело вздохнул, расстегнутый бушлат сполз с руки, рукав свитера взлетел вверх, обнажая предплечье до локтя. Великое дерево Иггдрасиль, с заботливой тщательностью выгатуированное на руке, раскинуло могучие кроны, толстый ствол разветвлялся на многочисленные ветви, густая листва скрывала высоченную верхушку. Пять разноцветных звезд расположились на дереве, от корней до макушки, последняя, пятая, красовалась среди совсем молоденьких лепестков на вершине.

– Знаешь, что это?

Служащий с ужасом кивнул. В помещении вдруг повеяло холодом, и вовсе не от внезапного сквозняка. Скорее, это был кладбищенский, замогильный холод близкой смерти. Парень побледнел, как полотно, челюсть мерно выбивала частую дробь. Поблескивающие желтым глаза буравили клерка, выжигая жалкие остатки смелости и самоуверенности.

– Не вынуждай меня, – вкрадчиво попросил Нергал, – Ты же знаешь, номера и кода вполне достаточно для идентификации...

Спустя несколько минут Рихтер вышел из банка, в кармане похрустывали свежие пачки денег. А сердобольные тетушки еще долго отпаивали молодого служащего горячим чаем с медом. С тех пор он стал очень учтив и исполнителен со всеми клиентами, как бы странно они не выглядели. Но вот избавиться от заикания не получилось уже никогда...

Утром в швейное ателье вошел оборванный посетитель, по виду похожий то ли на откинувшегося зека, то ли на обнищавшего солдафона. Мастер Бертрам с досадой поморщился. Он не любил нищих, терпеть не мог попрошайек и искренне считал, что подобным отбросам вовсе не стоит покидать отведенный для них припортовый район города. Этот же проходимец и вовсе имел вид настоящего бедствия: явно ничего не купит, только перелопачивает товар грязными руками, да отвлечет продавцов от более важных дел. Например, от раскладывания носков на полке.

Молодой служащий, высокий и мускулистый Альберт, нанятый как раз для таких случаев, уверенно и непреклонно преградил вошедшему дорогу. Он произнес нечто внушительное, могучая рука протянулась останавливающим жестом. Потом что-то сверкнуло в воздухе, и Альберт упал навзничь, голова мужчины безвольно откинулась, из сломанного носа нескончаемым потоком хлынула кровь. В ателье воцарилась тишина, продавцы и немногочисленные посетители ошалело уставились на сцену насилия.

Бертрам выбежал вперед, заготовив целую гневную тираду, но, встретившись взглядом с незнакомцем, осекся на полуслове. Горящие желтым глаза не предвещали ничего хорошего, на жестоком лице застыло выражение холодной безразличной ярости. Мастер разом сник и затрясся, внезапно осознав, что на кону не только судьба заведения, жизни всех присутствующих висят на тонком волоске. Пожилой хозяин мгновенно принял наиболее подобающий вид, вежливо склонившись в полупоклоне.

– Прошу прощения, господин, – подобострастно проговорил он, – Мой молодой, горячий и не столь опытный коллега не хотел вас оскорбить. Проходите, прошу вас. Чего изволите?

Нергал равнодушно кивнул, оглядывая ателье. Не первый класс, конечно, но для уездного города вполне терпимо. Прошелся по помещению, изучая хозяина и замерших работников холодным взглядом.

– Я хочу одеться. Целиком.

– Хорошо. Вы торопитесь? На пошив или подберем готовое?

Дальше последовала целая череда уточняющих вопросов, продавцы забежали, повинувшись едва заметным указаниям мастера. Альберта, кое-как пришедшего в сознание, увезли к лекарю, остальные вели себя тише воды, ниже травы.

Чем больше Бертрам расспрашивал незнакомца, тем больше уверялся в том, что не следует конфликтовать с этим человеком. Окончательное понимание пришло, когда пожилой модельер принялся снимать мерки. Мастер повидал на своем веку множество татуировок и шрамов, но точно не в таком количестве и не на одном человеке одновременно. К тому же, спутать дерево Иггдрасиль, символ гильдии убийц, невозможно ни с чем другим. Остальные же татуировки несли в себе такие мрачные тайны, что страшно даже представить. А что уж говорить об ужасном шраме на груди!

По всему выходило, что ателье Бертрама ждут либо большие убытки, либо хорошая прибыль, тут уж не угадать. Мастер старался угодить посетителю изо всех сил, вопрос оплаты даже не поднимался.

Четыре часа спустя из ателье вышел элегантно одетый мужчина. Старомодная красная рубашка села на жилистый торс, как влитая; темная жилетка подчеркнула атлетичную фигуру; классический черный галстук придал чопорности и официальности; брюки со стрелками прикрыли ноги; черные, вычищенные до блеска ботинки ступили на белоснежный тротуар. Длинный теплый плащ защищал тело от холода, на голове обосновалась шляпа с жесткими полями.

Осмотревшись, Нергал поправил воротник. Он неторопливо зашагал по оживленной улице, вполне целеустремленно продвигаясь к одному ему известной цели.

Проводив посетителя, Бертрам обессиленно рухнул на диванчик. Давно пожилой мастер так не волновался, но оказалось, все не зря. Незнакомец заплатил щедро, втридорога и не торгуясь. Когда страшный человек ушел, Бертрам долго еще смотрел на стопку денег, прикидывая в уме, что сломанный нос помощника – не такая уж большая и неприятность, если разобраться.

Квентин Стефенсон работал в оружейном магазине не первый год. Он считал, и не без оснований, свой торговый закуток лучшим заведением Штеттина, ну а самого себя мнил самым крутым парнем всех северных провинций. Про центр и юг не заикался, потому как никогда там не бывал, зато север изъездил вдоль и поперек, от Мемеля до Штральзунда, а потому прямо так сразу и заявлял: круче меня только горы!

Однако, сегодня нашла коса на камень. Когда в магазинчик вошел этот посетитель, Стефенсон сразу почуял беду. Статный мужчина в теплом плаще и элегантном костюме заставил поежиться бывшего стрелка одним фактом своего появления. Когда же Квентин присмотрелся пристальней...

Во-первых, этот костюм. Стефенсон всегда презирал строгие брюки и рубашки, считая их уделом офисных дрищей. Настоящие мужики, по мнению стрелка, должны одеваться в поношенную джинсу и жесткую кожу. Но посетитель легко доказывал обратное – элитный костюмчик сидел на нем, как влитой, а в крутизне незнакомцу точно не откажешь. Рядом с ним Квентин вдруг ощутил себя неумытым забулдыгой, ему стало стыдно за обвисшие коленки и протертые локти на джинсовке.

Во-вторых, татухи. Наколки для мужика обязательны, это и ежу понятно. Но вот *что* и куда – этот вопрос будоражил Квентина с давних пор. Так много вариантов, такой сложный выбор, столько специальной символики и потаенных смыслов – глаза разбегаются, а ум заходит за разум, стоит только задуматься. И ведь размышления отнюдь не праздные: неправильную тату так просто не сведешь, она, можно сказать, на всю жизнь.

А у посетителя татуировки оказались просто шикарные. Едва незнакомец стянул шляпу, Стефенсон едва не присвистнул от зависти: через весь лысый череп, от макушки до основания, тянулись бороздки черных рун. Смотрелось это чрезвычайно круто и даже слегка пугающе.

Ну а в-третьих, взгляд. Квентин, по роду своей деятельности, встречался с разными людьми, порой весьма паршивого пошиба, а то и вовсе настоящей преступной породы. Ему довелось насмотреться на всевозможные взгляды: бешеные и дикие, безумные и яростные, ледяные и спокойные, какие угодно. Он и сам, при желании, мог скорчить такую рожу, что молоко скиснет! Но этот...

Серые глаза пробежались по товару, затормозив на хозяине. Зрачки стрельнули желтым огнем, и Квентин, приподнявшийся было для приветствия, с шлепком плюхнулся на место. Рот захлопнулся, так и не издав ни звука. Стефенсон будто встретился взором с самой смертью во плоти, безжалостной, беспощадной и неизбежной. Захотелось стать незаметным, маленьким; внезапно выступил обильный пот; руки сами собой потянулись к пачке сигарет.

Посетитель подошел к прилавку, раздался голос, такой же мрачный и скупой на эмоции.

– Нож выкидной, с гардой, – незнакомец указал на витрину, – Пулевик, девятимиллиметровый, кольт. Две пачки патронов.

Квентин доставал требуемое, стараясь не поднимать взгляд. Давненько он не испытывал подобного неудобства, можно даже сказать – страха. А потому совершенно не знал, как же себя вести. Хвататься за оружие вроде бы рано, посетитель не выражает никакой агрессии. И все же...

– Есть двузарядные маузеры... – начал было он, но незнакомец остановил жестом.

– Мне второй выстрел не требуется, – мрачно улыбнулся гость.

Сжав всю оставшуюся волю в кулак, Стефенсон едва слышно пробормотал.

– Держите нож. А прежде, чем продать огнестрел, я хотел бы взглянуть на ваши документы...

Рука метнулась вперед так быстро, что Квентин не успел даже моргнуть. Ладонь незнакомца рванула затылок; последнее, что осознал продавец – быстро приближающаяся ко лбу столешница. В следующий момент раздался громкий «бум», и мужчина вырубился.

Очнулся Квентин довольно скоро, руки обшарили голову, обнаружив на лбу громадную шишку. На столе красовалась солидная трещина и не менее внушительная пачка денег. Страшный гость забрал оружие, оплатив минимум вдвое от указанной стоимости, а значит, вчетверо от реальной.

Стефенсон потер разболевшуюся голову. «Пожалуй, на сегодня можно закрываться, – решил он, – Недельную выручку я уже сделал!»

Лучший ресторан города, расположенный на главной площади, мог похвастаться и богатым убранством, и вышколенным персоналом, и отличным выбором блюд. Сюда не пускали абы кого, лишь уважаемых и состоятельных граждан. Здесь частенько обедал мэр, заходя на ужин начальник порта, даже у Сандерса, теневого лидера Штеттина, был свой, зарезервированный за ним лично столик.

Сегодня распорядитель Джон Солсбери находился в некотором раздрае. И все из-за одного посетителя, высокого статного мужчины в элегантном костюме с иголочки. Джон готов был поклясться, что видит этого человека первый раз в жизни. Следовательно, в Штеттине незнакомец раньше не бывал. И в то же время, чуть подсказывало, что это, возможно, самый важный гость в карьере Солсбери.

Мужчина не воспользовался гардеробом, прошел напрямую в зал. Плащ упал на спинку соседнего кресла, шляпа легла рядом, обнажив лысую татуированную голову. Незнакомец выбрал столик у окна, усевшись лицом ко входу. И все бы ничего, если бы именно этот столик не предпочитал всем прочим мэр, как раз сегодня известивший Джона о намерении отужинать.

Официантка Джудит вернулась от столика посетителя в расстроенных чувствах. Распорядитель глянул вопросительно, но она лишь мотнула головой.

– Он страшный до жути, – прошептала девушка, – Я не осмелилась...

Что ж, такое бывает. Для того и нужен распорядитель: решать те вопросы, что не в состоянии исправить обычные служащие. Солсбери чинно прошествовал к занятому столику, тело само по себе отвесило вежливый поклон. Он хотел было заговорить, но глянув в глаза незнакомцу, внезапно осекся.

Свет несколько померк; день, клонящийся к закату, показался необычайно насыщенным и интересным; а обязанности Джона, напротив, представились в перспективе не особо важными. Действительно, что такого в том, если мэр посидит за другим столиком? В конце концов, он такой же посетитель, как и все прочие! Да, будет недоволен; да, возможно даже, не оставит чаевых. Но... Репутация, деньги, даже ресторан целиком – дело наживное. А вот жизнь... Жизнь одна-единственная, и второго шанса не предвидится, что бы не говорили там жрецы Единого. А потому лучше держаться за нее крепче.

– Сэр. Надеюсь, вас все устраивает? – Солсбери удачно выкрутился из напряженной ситуации.

Мужчина лишь сдержанно кивнул. Джон отошел подальше, лишь тогда позволив себе немного расслабиться. Он скосил глаза, пальцы сложились в условный знак, Джудит сосредоточенно кивнула. Особые посетители требуют особого обращения, Солсбери не поленился лично забежать на кухню, отдав необходимые указания шеф-повару.

Нергал наслаждался ужином. После двух месяцев тюремной стряпни, ресторанная еда казалась пищей богов. Официантка попала на редкость обходительная, пару раз подходил лично распорядитель, осведомляясь, не нужно ли чего еще, блюда соперничали между собой по великолепному вкусу и не менее аппетитному внешнему виду. Рихтер остался доволен. А потому, уходя, заплатил не скупясь.

Вокзал в Штеттине не отличался особым размахом. Не удивительно, учитывая, что обслуживать приходилось всего четыре поезда в сутки, и из них двое – проходящие. Тем не менее, ночной рейс до Берлина пользовался популярностью, зал ожидания, как и обычно, забился под завязку.

Нергал испытывал чувство некоторого дежавю. Казалось, совсем недавно он точно также ждал рейса из Берлина, где его и повязали. Только на этот раз убийца в полном рассудке и отличном здравии, настороже, и не позволит произойти никаким неожиданностям.

Купить билет оказалось непросто, пришлось заплатить вдвое, чтобы клерк закрыл глаза на вольности оформления документов. Рихтер не стал заходить в зал ожидания, предпочтя прогуляться по безлюдному перрону, тем более, что до отправления оставалось всего чуть больше часа.

Зайдя в вагон, Нергал первым делом обследовал купе на наличие скрытых сюрпризов, но не обнаружил ничего необычного. Молодая смешливая проводница принесла чай; свежее постельное белье пахло чистотой; суета пассажиров на мрачном перроне казалась мелочной и далекой.

Нергал захлопнул дверь на защелку, чтобы никто не смог войти незамеченным. Заряженный пулевик расположился на столе, вместе с недопитым чаем. Путник разделся, застеленная постель манила в свои объятия.

Поезд тронулся, плавно покачиваясь. За окном мелькали редкие огоньки станций, кое-где тускло отсвечивали захолустные деревушки. Рихтер притушил свет, темнота проникла через окно, с легкостью захватив тесное помещение. Раздался робкий стук в дверь, Нергал никак не отреагировал, и больше его не беспокоили. Скорый поезд мчался на всех парах, впе-

реди всего лишь пара ночных остановок, а ранним утром он прибывает в конечный пункт – Берлин.

Улегшись в постель, Нергал прикрыл глаза, мысли тут же улетели далеко, возвращаясь к событиям последних дней. Неожиданные посетители, побег, гонка через снежную пустыню, убежище на хуторе...

«Странно, – подумал ассасин, засыпая, – Целый день на свободе, а еще никого не убил...»

Погибших участников погони он не считал, а про беднягу бургомистра успел позабыть.

ГЛАВА 9

Ханс метался по гостиничному номеру, словно разъяренный тигр в клетке. Только он не был тигром, эмоции дознавателя даже отдаленно не напоминали ярость, а комната, широкая и вместительная, при всем желании не походила на клетку. Больше всего она напоминала поле боя или, вернее, штаб боевых действий.

Путь Краузе начинался от высоченного трюмо на северной стене, проходя далее мимо вместительного углового дивана и стеклянного прикроватного столика. Дознаватель вышагивал вдоль широкого стола, вальсируя между чередой стульев, пробирался вдоль кухонного гарнитура, выполненного в броском современном стиле. Потом домашний путешественник сворачивал к высокой барной стойке, в быстром темпе проносился подле двух распахнутых настежь окон. Преодолев широкое пустое пространство, Ханс оказывался в исходной точке маршрута, и, после непродолжительной паузы, вновь отправлялся в путь.

На диване развалился, заняв в одиночку все свободное место, здоровяк Вольф. Ноги оборотня блаженно вытянулись на мягком пуфике, богатырские руки раскинулись в разные стороны, затылок улегся на подголовник, внимательный взгляд полузакрытых глаз провожал Босса, блуждающего по кругу.

За столом, примостившись на одном из стульев, сидел Ян. Голова Стрелка покоилась на руках, перед глазами лежала тетрадь в жестком переплете. Пишущая ручка валялась, небрежно отброшенная вбок, исчерканная страница смотрела немым укором.

В открытые окна врывалась зимняя свежесть, но никого это не заботило, батареи отопления раскачегарились на полную, сохраняя внутри жаркую атмосферу. Снаружи мерцали огни ночного города, Штеттин засыпал, слышались редкие гудки машин, далекий шум приглушенных голосов. Лишь со стороны порта доносились звуки непрекращающихся работ.

Раздался стук в дверь, вошел официант, вкатив внутрь тележку с припасами. Расставив небогатую снедь на столе, парень вышел, пожелав постояльцам насладиться поздним ужином.

Ханс прекратил свои хождения, устроившись, наконец, на неудобном стуле. Вольф вскинулся, одним плавным движением переместившись к столу. Даже смертельно уставший Ян заинтересованно поднял голову, уловив запахи съестного.

Некоторое время друзья молча наслаждались трапезой, в комнате стоял хруст работающих челюстей да утробный рык голодных желудков. Ханс не поленился сбегать до холодильника, притащив на всех по бутылке ледяного пива. Опустошив тарелку и опрокинув в глотку содержимое бутылки, дознаватель с обескураженным видом облокотился на спинку стула.

– Итак, ребята, – мрачно проговорил он, – Признаюсь только раз и только вам. Пожалуй, больше никому я не буду рассказывать о допущенных ошибках. Но теперь... Я лажанул. И лажанул по полной!

Соратники молчали, Краузе прошелся, выудив из холодильника еще одно пиво.

– Скажу честно, я обескуражен и испуган, – продолжил Ханс, открывая бутылку, – Потому что раньше все всегда шло по плану, а теперь события катятся к черту на кулички.

Стрелок переглянулся с Вольфом, неопределенно пожав плечами.

– Да в чем дело-то? Как по мне, не все так страшно! – с преувеличенной бодростью заявил Ян, – Ты же сам намеревался освободить Нергала? Можно сказать, первый пункт плана выполнен успешно.

Краузе расстроено покачал головой, раздалось продолжительное бульканье, пока пиво перетекало из бутылки в горло дознавателя.

– Хотел освободить, это да, – согласился Ханс, ополовинив емкость, – Но не так же! Совсем не так, как получилось. Я рассчитывал держать Рихтера под контролем, на коротком поводке. Чтобы он испытывал благодарность за освобождение. А вышло... Я даже не уверен до конца, не являлся ли наш визит частью *его* плана.

– Ха-ха! – рассмеялся Стрелок, но под серьезным взглядом Босса резко оборвал веселье, – Да уж, я хотел сказать, контролировать Нергала – это ведь не проще, чем держать в узде ураган!

Перед глазами Яна до сих пор нет-нет, да и всплывал безжалостный равнодушный взгляд убийцы, ужасный пулевик, направленный в голову Стрелка, шелканье спускового курка и бесильный треск пустой обоймы. Попытки управлять Рихтером напоминали Крюгеру игры со смертью, причем шансы далеко не в пользу игрока. С другой стороны, это же Ханс...

– Ну, возможно, благодарность-то он испытывает, – предположил Ян, – Не убил же тебя в лифте, хотя и мог...

Краузе глянул на Стрелка насмешливо, но тот вовсе не шутил.

– Вряд ли те эмоции, что испытывал Нергал, можно описать, как признательность, – мрачно пробурчал Ханс, – Скорее это походило на брезгливость...

В комнате воцарилось тягостное молчание, нарушить которое решил Вольф. Прямолинейному оборотню надоели бессмысленные рассуждения, он спросил четко, как умел.

– Что будем делать дальше?

Босс молча размышлял, допивая остатки пива, к Вольфу повернулся Ян.

– Думаю, где бы не был Нергал, он первым делом подается в Берлин, – резонно заключил Стрелок, – Предлагаю разослать ориентировки, оцепить вокзалы, воздушный порт...

– И что это даст? – буркнул оборотень, – Он же не дурак! А профессионал. Сам подумай: мы прошерстили почти сотню хуторов в округе, и не обнаружили ни следа беглеца. Думаешь, он вот так просто попадется на вокзале? Есть ведь еще и междомобильные дороги, а их все не перекроешь.

– Ну как-то же он должен проникнуть в город! – не сдавался Ян, – Значит, придется охватить все пути!

Краузе вполуха прислушивался к перепалке друзей. Оба были в чем-то правы, но из головы дознавателя не выходил совет, полученный от брата. «Не делай глупостей. Не мешай судьбе.»

– Подожди, Ян! – Босс мягко прервал спор, – И ты Вольф, постойте оба. Мы *можем* разослать ориентировки, и *можем* перекрыть вокзалы, но... Задумайтесь, *что* будет, когда Рихтера обнаружат? Учтите, за день до этого он голыми руками убил двух орков, раскидал охрану, сбежал из самой охраняемой тюрьмы, с легкостью ушел от погони, отправив при этом на тот свет с дюжину хороших бойцов и расколошматив кучу военной техники...

– И сбил дирижабль! – поддержал Вольф.

– Да, и боевой дирижабль... – задумчиво продолжил Ханс, – Так вот, я к чему. Допустим, двое патрульных засекут Нергала на вокзале. Что они смогут предпринять для задержания? Каковы их шансы на успех? Или вообще, шансы остаться в живых?

Ян открыл рот, подумал и закрыл обратно.

– Значит, мы не хотим его ловить? – спросил оборотень, – Вернее, не хотим жертв при попытке поймать...

Краузе неопределенно кивнул, пустая бутылка отправилась вслед за первой.

– Так чего же тогда? – раздраженно буркнул Стрелок, – Поймать его мы не можем, убить тоже... Остается сложить лапки и наблюдать, как он отправляет жертв в преисподнюю. Да надеяться, что сам не появишься в списке на уничтожение.

– Во-первых, нужно найти Рихтера, следить за всеми его передвижениями, – задумчиво пробормотал Ханс, – А потом уже попробовать их направлять...

– Ха-ха! – парировал Ян, – Направлять тайфун, как же...

Краузе пожал плечами, никак больше не отреагировав на насмешку. Дознаватель отыскал в холодильнике последнее пиво и теперь с сомнением разглядывал бутылку. Потом тяжело вздохнул, звякнуло стекло, крышка слетела с горлышка, кувыркнувшись в воздухе. Мужчина приложился, сделав несколько глубоких глотков.

– Завтра с утрачка вылетаем в Берлин, – подумав, решил он, – К обеду будем на месте, сразу примемся за дела.

Босс прошелся по комнате, погрузившись в раздумья. Вольф и Ян сидели молча, предоставив начальству выбирать дальнейшие действия.

– Нужно составить список людей, причастных к пленению Нергала, – заключил Ханс, – Думаю, это будут первые, самые очевидные жертвы.

Он поразмыслил еще чуть, очередная порция пива скатилась по пищеводу.

– Этим я, пожалуй, займусь сам. Вольф, на тебе – слежка за оружейными магазинами и известными схронами. Шансы невелики, но все же... Нужны надежные, проверенные люди. Только наблюдение, никакого контакта, никакой самостоятельности...

– Так, а что не так с вокзалами? – вмешался Ян, – Почему не направить людей туда?

– Все так Ян, кроме того, что идея запоздалая, – устало ответил Краузе, – Рихтер уже наверняка в Берлине, незачем распылять силы.

Стрелок замолчал, прикидывая что-то в уме.

– Пожалуй, и правда... – согласился он, прикинув прошедшее время.

Краузе уселся на диван, едва не утонув в мягкой обшивке. Он задумчиво уставился в потолок, время от времени прикладываясь к бутылке.

– И вот еще что, – Ханс приподнялся, будто вспомнив нечто крайне важное, – Необходимо организовать пост у дома Клаудии Сенны.

– Пост? Слежку, охрану или группу захвата? – уточнил Ян.

– Пожалуй, охрану, – после непродолжительных сомнений пояснил дознаватель, – Скрытый наружный секрет, двое в подъезде, три-четыре в квартире...

– Думаешь, он явится? – с сомнением переспросил Стрелок.

– Есть такое предчувствие...

– Честно говоря, после встречи с Нергалом, у меня не осталось ощущения излишней сентиментальности.

Тяжело вздохнув, Ханс раздосадовано покачал головой.

– Предоставь судить мне...

Стрелок обескураженно развел руками, признавая авторитет Ханса. Босс залпом допил пиво, пустая бутылка аккуратно водрузилась на спинку дивана, балансируя на крохотном пятчке. Краузе поднялся, сладко потянувшись.

– Сейчас бы завалиться спать, да продрыхнуть всю ночь... – мечтательно заявил он.

– А что мешает? – с удивлением осведомился Вольф, – Лично я так и собираюсь сделать.

Ханс медленно прошелся по комнате, оказавшись в итоге за барной стойкой. Выудив из-под нее бокал, он принялся копать в закромах шкафа. На столе одна за другой появились бутылки водки, мартини и грейпфрутового сока. Краузе играючи открыл емкости, щедро плеская содержимое в стакан. Смешав напитки в зубодробительной пропорции, он с наслаждением пригубил образовавшийся коктейль.

Вкус пришелся по душе, мужчина за три быстрых глотка опустошил бокал. С натугой выдохнув, Ханс вновь принялся за изготовление смеси. Бутылки мелькали, как у жонглера,

дознаватель работал с видом профессионального фокусника. Через пару секунд в стакане плескалась красно-бурая жидкость неопределенной консистенции, на этот раз Краузе не отказал себе в удовольствии приправить напиток парой кубиков льда.

Ян и Вольф смотрели на планомерно спивающегося Босса, не скрывая изумления.

– Для храбрости, – пояснил Краузе, ополовинив бокал, – Мне сейчас предстоит еще одно совещание. Отнюдь не столь дружелюбное и приятное.

ГЛАВА 10

Номер канцлера Рино практически ничем, на взгляд Ханса, не отличался от рядового.

Правда вот, он был больше раза в два. Вместо одного дивана тут стояли целых три, расположившись широким полукругом. В центре примостился круглый стеклянный столик, накрытый чайным сервизом на пять персон. Стол и стулья стояли практически на тех же местах, отличаясь только богатством отделки и убранства. Посуда позолоченная, стулья резные, с мягкими спинками и высокими подлокотниками. Барная стойка посрамила бы ассортиментом многие забегаловки, целая гроздь висящих бокалов наводила на мысли о продолжительных и многочасных попойках. Где-то на пределе слышимости звучал патефон, грустная мелодия витала в воздухе, располагая к созерцательному меланхоличному настроению. Широкие темные окна закрыты, натужно трудится кондиционер, создавая внутри приятную прохладу.

А в остальном номер такой же, да...

Канцлер Арнольд Рино Сципион выглядел сегодня не лучшим образом. Краузе вошел в номер, с некоторым смущением наблюдая за представившейся картиной. Он ожидал чего угодно: гнева, яростного разноса, справедливых упреков или несправедливых угроз. А на деле, оказалось, канцлер просто испуган. Испуган не меньше, а то и гораздо больше самого дознавателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.